

Дмитрий Аверков

Город
Изумрудова

Мужские поиски
жизненных смыслов

Дмитрий Аверков

**Город Изумрудова. Мужские
поиски жизненных смыслов**

«Издательские решения»

Аверков Д.

Город Изумрудова. Мужские поиски жизненных смыслов /
Д. Аверков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858078-9

Каждый мужчина стремится найти свое место под Солнцем, отыскать свой волшебный город или создать его. Но следует определиться в выборе, что важнее: духовное или материальное? Женщина или кошелек? В таких поисках Изумрудов проходит сквозь огонь, воду и медные трубы.

ISBN 978-5-44-858078-9

© Аверков Д.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ I. СНАРУЖИ	6
Очарование страхом	6
«Любовь конкистадора»	11
Довериться профессионалам	19
Напролом	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Город Изумрудова

Мужские поиски жизненных смыслов

Дмитрий Аверков

*«В сей град дороги нет тому, кто ее жаждет. Сюда попадает
лишь тот, кто истинно в этом нуждается...»
(из летописи старцев-пустынников).*

© Дмитрий Аверков, 2017

ISBN 978-5-4485-8078-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ I. СНАРУЖИ

Очарование страхом

Практически полная апатия ко всему происходящему в окружающей реальности вот уже несколько дней сковывала его мозг. А может даже и недель. Или месяцев. Или лет. Во временном пространстве человек начисто лишен умения четко прорисовывать отрезки, а уж тем более устанавливать какие бы то ни было рамки. По крайней мере Изумрудов был в этом твердо убежден. Да и сколько он уже жил на одних лишь рефlekсах и автоматическом выполнении минимума действий, требующихся для его существования, ему было совсем неважно. Полузастывшим рассудком он, несколько напрягшись, конечно же, мог припомнить те состояния, когда его естество охватывали, скручивали и корежили всевозможные чувства и ощущения. Хотя такие слепки памяти уже настолько глубоко провалились в сознании, что стали подобны отпечаткам пальцев: вроде бы и индивидуально-неповторимые, и всегда при тебе неизменным отличительным признаком, но каких-либо приятных эмоций – да и вообще эмоций любых – они вызвать уже были не в силах. Есть и есть, как бесполезная отметина.

Неудачи, когда они идут чередой, обычно огрубляют и озлобляют человека, а в случае с Изумрудовым результатом стала апатия. В нашем герое до апатичного провала четко просматривался типичный портрет среднестатистического обывателя, но интерпретировать его следовало бы иначе. Сутулость – да. Однако не от офисно-компьютерных просидок, а признак того, что жизнь у Изумрудова была, по его мнению, не сахар – вся такая холодная с ветром и другими неприятностями, а значит, ему постоянно зябко и он вынужден скукоживаться, сгибаться, чтобы хоть как-то согреться. Плоскостопие – явный признак того, что человек изначально неуверенно ощущает свое присутствие в данной действительности, и его физическое тело желает как можно большей плоскостью цепляться за землю и иметь максимальное количество точек соприкосновения с опорой. Блуждающий взгляд – это взгляд надежды, подсознательное стремление не пропустить-увидеть какую-либо мелькнувшую возможность изменить свою судьбу. Подергивание окологлазной плоти – не просто нервный тик, а пульсирующий запрос в безмерное пространство, неистово орущий: «Я здесь! Заметьте меня! Мне нужна помощь!» – точь-в-точь как сигнал «SOS». Человек же очень часто бывает слаб духом, если не постоянно, и стремится всеми правдами и неправдами заполучить помощь извне. Суетливая походка – от страха опоздать куда-нибудь, где будут раздавать халявные пряники и конфеты, а чрезмерная жестикуляция – исходя из соображений конкуренции, тренировка для того, чтобы всегда быть готовым усердно доказывать: «А я занимал!!!» – и пропихиваться, ловко шуруя локтями, к месту раздачи «бесплатных слонов». Ну и так далее...

«Господи, это и впрямь у меня такое плачевное состояние или просто я так думаю?» – озадачился Изумрудов и попытался сконцентрировано заглянуть в себя. Шаги стали сбивчивыми, немного захромала левая нога. Процесс концентрации, как-то неправильно оформленный заторможенным сознанием, критически клокоча, рвался наружу. Внимание Изумрудова всецело сфокусировалось на мелких вжато-подушечных и тонко-когтистых следах на рыхлом податливом снегу. Вполне очевидно, что незадолго до появления Изумрудова здешний нелюдимый и рассеченный леденящим ветром мир вынудил маленькую жалкую дворняжку нырнуть в темноту уютного, но тихого подземного перехода. Человек машинально спустился по скользким ступеням параллельно дорожке испуганных собачьих следов, но тут же замер у разверзшегося мрачного зева подземелья.

«Что это?!» – необъяснимый страх мелкими жгучими чешуйками облеплял все тело Изумрудова от щиколоток до самой макушки, ноги вросли в землю телеграфными столбами. Вгры-

заясь все глубже и глубже, новоявленный страх словно побуждал одеревеневшую плоть и сознание Изумрудова к жизни. Новой, пугающей и зовущей прямо из этого входа в зияющую бездну тьмы. Туда... и только туда тянуло, тащило это новорожденное чувство. Но как реагировать – человек не понимал и потому подчинился интуитивному позыву сделать шаг вперед. Затем другой. И еще, и еще...

Это был один из редко используемых запустевше-мрачных переходов. Зачем такие появляются в городах – сложно понять. Возможно, их обустроили с благими намерениями, но пешеходы в основной своей массе стремятся, даже рискуя жизнью, перебежать на противоположную сторону улицы по оживленной дороге, чем лишний раз спускаться в подобную городскую преисподнюю. Изумрудов подумал, что, наверное, такие ощущения испытывают диггеры, отправляясь в неизвестность. Что там ждет? Что там есть? А может быть, кто?

Под ногами хлюпали звонкие лужи, а с невидимого потолка падали тяжелые капли. И эти вполне обыденные звуки здесь, в подземелье, превращались в гулкие, усиленные и растражированные эхом, пугающие и убедительные признаки присутствия сверхъестественного. Всполохи мерцающих полусгоревших ламп выхватывали из темноты причудливые элементы мозаики, которая сейчас утратила всякую показную эстетическую привлекательность и проявила всю свою истинную мистическую суть, оживая на глазах. Начертанные мастерами якобы для услады взоров куски космического пространства с метущимися в них от ужаса космонавтами казались локальными черными дырами подземного мира. Со стены напротив прямо в сердце Изумрудова вцепилась своим сверлящим взглядом учительница с отбитым носом, оттого больше походившая на расшвырянное чудовище. Она восседала перед учениками, напоминающими скорее юных монстров, нежели светлых созданий, тянущихся к наукам. Чуть дальше – пузатые раздувшиеся матрешки словно готовились взорваться и выпустить из себя очередное невиданное порождение ада. А где-то в глубине перехода стройные ряды ревущих комбайнов пытались сорваться с керамических плиток, чтобы разорвать нежданного гостя в клочья. Мозаичные стены медленно обступали Изумрудова, окружали со всех сторон, захватывали его в жуткий адский круг...

Дрожь поджилочная! Дрожь сухожильная! Страх праздновал полную победу над божьей тварью, носящую по паспорту фамилию Изумрудов. Но это был не тот развлекательно-экранный или книжный страх, к которому тянутся люди в жажде острых душераздирающих ощущений: от вскриков и зажмуриваний и до волнообразных приступов смеси испуга, жалости, ярости и тошноты. Это был другой страх. Жуткий, неподдающийся идентификации и в то же время кажущийся настолько близким и родственным.

«Вот! Вот она, оживляющая сила! Именно она и нужна для полноценной жизни. Такая! Страшная! Странная! Рождающаяся из ничего! Несущаяся из мрака, врывающаяся в тебя вместе с очарованием всепоглощающего страха... Эта прекрасная неизбежность! Я так ждал именно этого!..» Внутри все клокотало и бурлило. Казалось, что каждый даже маломальский сосудик в теле раздувается подобно пожарному шлангу, напрягается и гулко вибрирует от хлынувшей в кровь доселе невиданной энергии. Изумрудову даже слышался характерный шум внутреннего стока-водопада. Эта загадочная жидкость проваливалась под огромным давлением прямо в сердце, затем, облегчившись, – оставив здесь свои таинственные компоненты, заставляющие главный управляющий кровью орган натужно молотить на бешеных оборотах, – уже вольно и размеренно разливалась по оживающему телу.

Страх внезапно исчез, и на смену ему пришел, появился, возник и вырос до невероятных размеров ворох разноцветных мыслей. «Ученье – свет! Но знание несет беспросветная чернота! Вот как сейчас! Наслаждение знанием через страх!»

Изумрудов только сейчас понял, что стоит на коленях в темном пустынном подземном переходе. Стены подземелья моментально раздвинулись и обозначили светлеющий впереди выход во внешний наземный мир. Он уверенно поднялся на вмиг окрепшие ноги, размаши-

сто отряхнул испачканные штанины и помчался навстречу своей уже «апгрейденной» жизни. Откуда-то сверху раздавался размеренный умиротворяющий бой бубнов, в то же время снизу кто-то долбил в истеричные неистовые барабаны. В спешке человек и не заметил, что на заснеженных ступенях подъема на поверхность мощно отпечаталась твердая поступь огромного матерого пса. В общем-то, никто из случайных прохожих уже бы и не успел обратить внимания на эту параллель следовых дорожек, поскольку крупные белые хлопья, валяющиеся с небес, мягко грунтовали все огрехи уходящей в небытие картины реальности, готова чистый белоснежный холст для новых штрихов и расцветий. Только тускло-меланхоличные звезды машинально зафиксировали этот факт, но им как всегда было все равно.

Ворвавшись напружинено в городскую повседневность, Изумрудов отметил про себя, что она уже не выглядит настолько пугающей и потребительски перемальвающей, какой представлялась ему раньше и виделась из узких щелей меж захлопнутых ставней его плюгавенького конформистского мирка. Теперь Изумрудов четко различал тонкие пространственные нити, связующие все окружающее, и сплошные диссонансы реальности; слух его многократно усилился, а волшебная темная энергия, дарованная ему в тихом склепе подземного перехода, побуждала к действию.

Резкий визг тормозов чуть не стал предвестником обрыва пространственной нити самого Изумрудова. Спортивное красное авто, порывав громогласно на невменяемого пешехода, резко рванув с места, скрылось за поворотом. «Вот, гад! – закипел он всем своим возбужденным нутром. – А машина-то дорогушая... Зато тебе никогда не суждено услышать ни бубнов, ни барабанов! Тебе ни за что не познать духовную суть мира! А я ее увидел там! Внизу! Мне дано это знание, а тебе досталась всего лишь толика материальной оболочки! Хотя... мне тоже бы не помешал, скажем, чемодан денег. Да! Он мне крайне нужен для движения к своей цели – полному постижению полученного знания! Безусловно, духовная сторона зависит от материальной, которая впивается в горло любой даже самой прекрасной песне души своими сиюминутными потребностями и позывами... Выходит, я не могу обойтись без этого пресловутого чемодана, набитого до отказа банкнотами?! Для достижения цели мне необходима максимальная, но и оптимальная автономия, а для этого нужны средства! Много средств! Все же важно обеспечить себе цивилизованную и достойную жизнь во время великого пути, а не влачить жалкое существование без гроша за пазухой! И тогда... А значит, вперед к капиталу! Невзирая ни на что!

Дешевая утопическая идеология: «Будет! все будет! Надо только подождать!» Куда уже ждать?! Сколько еще?! Дудки! Самоуспокоение – просто укол, который действует недолго. А когда эйфория развеивается, то реальность становится еще мрачнее, еще ужасающее... Жизнь проходит... минуты как звонкие скользкие монеты, часы – как хрустящие банкноты, годы – как золотые слитки... Правильно сказал кто-то знающий: время – деньги! Точно! В самую тютельку! Но где она, эта тютелька, в которой нет недостатка ни во времени, ни в деньгах?! Вокруг меня только суета и бестолковщина! И все уносится, ускользает, улетучивается, вываливается из рук... Нужно менять это «вокруг» разом и навсегда! Ждать нельзя! Дождаться удобного случая, шанса или наследства от эфемерной тетушки из Австралии – глупость несусветная! Только действия! активные! целеустремленные! все сметающие... Брать! Все брать, пригодится или нет – там видно будет! Без разницы плывет оно к тебе или нужно усиленно подгрести его к себе руками, подгонять, дуть во все легкие и ноздри в паруса! Моя жизнь – это мой корабль! И я на нем капитан! И вправе делать все, что пожелаю!.. Может быть, неистребимая жажда потребления охмурит мне мозги, и сущность кутилы и прожигателя жизни захлестнет мою натуру, но пока не власть и роскошь притягивают меня, а скорее, безмятежное, покойное уединение... Но как же важны в любом случае эти треклятые деньги!!!»

Желание нашего героя еще полностью не сформировалось в какой-либо конкретный план действий, не облекло себя в определенную форму, но он понял смысл и испытывал непомерную

жажду – жажду добраться до обозначенного самим собой финиша, развязки, конечной точки своих стремлений и исканий. Внезапно ход мыслей Изумрудова прервало резкое подергивание за рукав. Он оглянулся и наткнулся взглядом на маленькую девочку в одежде абрикосовой расцветки.

– Остерегайся! – тихо сказала она.

Изумрудов зло отмахнулся: «Малявка какая-то! Еще и вздумала меня учить!» Он даже хотел в сердцах ее обругать, но той и след уже простыл. Существование девочки подтверждало лишь легкое марево, медленно растворяющееся в воздухе. Вокруг было на удивление тихо и безлюдно, и только беззвучно проезжающий мимо пустой троллейбус то ли улыбнулся Изумрудову, то ли угрожающе оскалился...

До сегодняшних событий в подземном переходе Александр Александрович Изумрудов был мужчиной неопределенного возраста: внешне молод, а внутри – старец, опустошенный и раздавленный бытовыми и прочими проблемами. Ему не повезло ни с ростом, ни с внешностью. По социальному положению – скромный служащий одного из муниципальных учреждений с не менее скромным окладом. Изо дня в день он следовал одним и тем же маршрутом на службу и обратно. Вел себя тихо, старался как можно меньше привлекать внимание окружающих, избегал женщин и благодарил судьбу за то, что пока все еще как-то умудряется выживать. Иногда вечерами он тщетно сопротивлялся приступам самобичевания и сочувствия к своей жалкой натуре, убеждая себя в правильности догматов, утверждающих основой существования образумленных представителей животного мира – смирение. И вспоминал слова великого проповедника о том, что в дальний путь нужно брать легкую поклажу, чтобы, странствуя в этой очередной промежуточной жизни, не обременять себя излишними материальными благами, ибо привязанность к оным мешает двигаться, связывает путами по рукам и ногам. А иногда Изумрудов просто смотрел на Луну, незаметно для себя поскуливая.

Но теперь он стал совершенно другим человеком. Эта странная энергия, просочившаяся в него, изменила не одного Изумрудова, но и реальность, осаждавшую его доселе, которая сейчас перевоплотилась до неузнаваемости и пыталась напугать человека то какими-то внезапными отблесками и свечениями, шипением и прочими странными шумами, то жуткими неожиданно появляющимися тенями и теми же дурацкими автомобилями, будто специально стремящимися его переехать. Вдруг в один миг эта окружающая действительность замерла и настороженно стала ожидать проявлений воли Изумрудова, а он не спешил выдавать сокровенных планов, наслаждаясь своим новым состоянием. Человек прекрасно понимал, что если бы не эта волшебная сила, то его жизнь была бы абсолютно никому неинтересной, даже ему самому, и, скорее всего, весьма быстротечной. Единственное, на что ему можно было уповать, так это на то, что на него свалится метеорит. Лишь подобный факт смог бы привнести в его чахлаю бесцветную жизнь хотя бы какую-то долю остроты и необычности. Он и так уже малодушно взял за привычку каждый вечер придумывать себе новую красивую смерть, а на утро грустно удивлялся тому, что снова проснулся. Но какое же это счастье осознавать, что все это в прошлом!..

Не передать на словах удивление тети Глаши, которая соседка по коммуналке называла даже в глаза не иначе как «Сашка-штыбзик» и «изумрудный какашканосец», когда он ввалился, пыща уверенностью, подсвечивая странным румянцем на бледно-впалых щеках, и злобно шикнул ей прямо в лицо, пресекая какие-либо словесные нападки с ее стороны в свой адрес. Она так и обмерла с открытым ртом, успев только привычно воткнуть руки себе в бока.

Изумрудов осветил тусклой лампочкой свое блеклое, пропахшее насквозь бедностью жилище, но этот вид его уже не удручал, поскольку внутренний свет подземно-переходной энергии раздирал его на части изнутри, и до внешних раздражителей сейчас ему не было никакого дела. Он распластался на кровати и наполнился радостью от приобретенного статуса

«энергоносителя». Но просто лежать не хватило выдержки, Изумрудов взметнулся и, уставившись в зеркало, самодовольно гримасничая, вполголоса вопрошал свое отражаемое лицо:

– Это значит, мне теперь можно не терпеть?

– Конечно, можно, – утвердительно кивал он сам себе головой, стараясь выглядеть, как всезнающий мудрец.

– И даже позволительно?.. – начал было Изумрудов, но все еще по привычке залился бурым румянцем, как это всегда с ним происходило при подобных мыслях. Тут же, осознавая, что никаких условностей для него существовать уже просто не может, все-таки натужно, хотя и с огромным желанием выдохнул:

– И даже это...

На мгновение Изумрудову показалось, что в зеркальной глади мелькнула мордашка абрикосовой девочки. Несколько раз похлопав себя чувственно по лбу и по бокам он успокоился и решил, что завтра начинать жить, как ему и подобает, будет в самый раз... А перед сном все же решил в корне изменить свою страничку в социальных сетях. Статус стал молниеносным и многозначительным – «Иду!» Половину друзей пришлось отсеять, так как они совсем не вписывались в новые жизненные приоритеты, а на аватарке появился безусловный герой в черных очках.

Насытившись своим виртуальным величием, Изумрудов собирался уже покинуть безбрежные просторы интернета, но случайно наткнулся на смешной образчик человеческой пошлости и лицемерия. Это было объявление зажавшегося «страдальца», которое, кстати, как покажут дальнейшие события, сыграет определенную роль в жизни, пока еще ничего не подозревающего нашего героя. А само объявление гласило следующее: «Господа-Граждане! Очень нужна подсказка или даже, не побоюсь этого слова, помощь! Требуется вещь. Не безделица какая-нибудь, а антикварная, но не особо ценная. Еще бы не хватало, чтобы я ей (теще своей) и взаправду что-то стоящее подарил! Так вот, вещица должна быть с толстым намеком, мол, я тебя, конечно, уважаю за твои финансовые возможности и должность, но тебе не мешало бы знать свое место, а то, не ровен час, лишишься своего положения, и тогда-то я уж поговорю с тобой по-свойски, вручу всю „коллекцию своей любви“! Ну и подарочком этим нужно показать, что ее ждет. А я уж отблагодарю того, кто выручит меня, на славу. На такое святое дело точно не пожалею!»

Изумрудов еще раз хихикнул и со счастливым блеском одухотворенного материализма в глазах отправился ко сну...

«Любовь конкистадора»

Утром наш герой, стяхнув с себя налет былой болезненной чувствительности, сбросив редкую поросль неуверенности и смыв с лица остатки вчерашнего Изумрудова, с удовольствием стал вглядываться в проступившие наконец-то черты своего истинного лица. Вчерашний скомканный человек в мышинном пальто и таком же дешевом мешкообразном костюме умер. Его место безапелляционно занял «энергоноситель» в пиджаке жгучего желтого цвета в мелкую черную клетку и ярко-красной теплой куртке. Преображение внешнего вида произошло максимально быстро в ближайшем «Секонд хэнд» на куцую черно-дневную заначку. Тем не менее ничего, что могло бы даже как-то косвенно напомнить нам бывшего Изумрудова, обнаружить было невозможно: как уже ни внутри героя, так и ни снаружи. Кроме того, в качестве главной имиджевой черты безоговорочно были приняты, конечно же, черные очки.

Хотя все же нет. Осталось кое-что не изменившееся. В утверждении, произнесенном ранее, о том, что Изумрудов избегал женщин, не было никакого обмана и даже капли лукавства. Все было именно так, но было и еще нечто. И это нечто, как прояснение вроде светлого пятнышка в серой душе Изумрудова или, возможно, это нужно называть его «грешком», жило в соседнем доме. Изумрудов уже давно давил в себе определенные позывы к этой тихой и милой девушке, и, испытывая жгучее смущение, украдкой наблюдал по утрам за тем, как она спешила на работу, пересекая двор по диагонали. Кому-то она могла показаться невзрачной и совсем непривлекательной. Болезненная бледность, волосы, свисающие как вареные спагетти, пухлые губки и серые глаза, прилепившиеся к тонкому прямому носику – вот и весь ее бесхитростный портрет. Но для Изумрудова эта обычная девушка стала пределом всех его мечтаний, связанных с женской частью человечества. Глядя на ее черты и всевозможные линии тела, Изумрудов приходил в неопишуемое состояние восторга. Он знал о ней лишь немного: звали ее Сашенькой, и трудилась она экскурсоводом в музее средней руки. Естественно, Изумрудов не смел ни о чем таком себе позволить и помышлять. Но это было вчера, а сегодня даже зима как-то моментально превратилась в весну, что еще больше подталкивало Изумрудова к Сашеньке.

Вначале все же надо было покончить с этой никчемной безденежной работой. Покончить одномоментно, броско, перешибая разумы и восприятия одним дерзким действием, взмахом, росчерком! Начальник Изумрудова, с виду благообразный человек, привычно флегматично реагировал на появления подчиненных в своем кабинете. Любое обращение к себе стоящих ниже по рангу он представлял шахматной партией с известным финалом, поскольку все значимые фигуры, причем обоих цветов на доске были изначально в его руках. Естественно столь бесцеремонной прыти от этого сморчка в пестром наряде, рассевшемся в кресле напротив, начальник никак не ожидал. Да и признал его не сразу, а когда, наконец-то, свел воедино все признаки, указывающие на то, что наглый посетитель является его работником, гневно насутился и готов был уже рявкнуть, что делать ему просто никогда не приходилось – и без этого его вид производил на подчиненных гнетуще-устрашающее воздействие. А сейчас от такой вызывающей наглости и тем паче все фигуры речи просто застряли в его горле от негодования, но Изумрудов не стал дожидаться, когда тот выдавит из себя хоть что-то, и пафосно изрек:

– Я решительно освобождаю себя от всех вас! Теперь я дирижер! А ваше место – в дальнем углу оркестровой ямы!

И не ожидая напутственных слов, Изумрудов поднялся, артистично сделал неопределенное движение рукой у своей головы, что необязательно следовало расценивать как жест прощания, и нарочито чинно покинул помещение. Что делать дальше наш герой пока еще не решил, но продолжать жить, руководствуясь лишь упрощенным механизмом восприятия реальности, он был больше не намерен. Расправив плечи даже чрезмерно больше, чем принято в таких слу-

чаях, он вышел на улицу в ожидании попутного ветра. А ветер, видимо, только этого и ждал, подхватил и понес Изумрудова на поиски соседки Сашеньки...

«Я вольный стрелок! Даже пират! Или охотник! Так вперед за сокровищами и добычей! А что я собственно хочу именно сейчас? – бродили мысли в его голове. – К ней? К ней! Но она же настолько утончена... Тонкость натуры – это не помеха! Но как мне к ней подойти? Что сказать? Что-то вроде: Сашенька, я в вас души не чаю! А не выпить ли нам чаю? Но только не с абрикосовым варением! Ха-ха-ха! Глупо. Да ничего! Разберемся на месте!»

Несмотря на бушующую внутри энергетику, Изумрудов все же решил попридержаться коней: как-никак Сашенька – «светлое пятнышко», которое манило его очень давно, и действовать напраую в столь щепетильном деле явно не следовало. Ноги уже принесли Изумрудова к тому самому музею, где работал его «грешок». Наш герой зачем-то втянул голову в плечи, приподнял воротник и просочился внутрь с очередной толпой, тянущейся к прекрасному и вечному. Его «прекрасное» встретило посетителей буквально у входа и увлекло всех мягким голосом и плавными жестами в тихие застывшие музейные залы. Изумрудов, затаив дыхание, ловил каждое слово Сашеньки, наслаждаясь и прагматично выясняя, к чему же сама экскурсовод питает неподдельный интерес. Как оказалось, эта была самая легкая задача, и наш герой расцелкал этот орешек без особого напряжения извилин.

Сашенька неровно дышала к одному из мрачно-ярких экспонатов. Это было более чем очевидно, поскольку посетители, вдоволь насмотревшись и наслушавшись ее певучий голос, поглядывали уже по сторонам, позевывая, а она все говорила и говорила с затаенной страстью в глазах о темных временах Конкисты. Каким образом в столь затрапезный музей попали доспехи древнего испанского завоевателя – доподлинно неизвестно, наверняка это подделка, изготовленная местным кустарем. Но то, что для Сашеньки это был самый главный экспонат, будоражащий ее искусствоведческий мозг и девичье сердце, никаких сомнений не возникало. Получив заветный «ключик», Изумрудов бросился к Сашенькиной «замочной скважине».

– Конкистадоры являлись носителями христианского миропонимания, – вдохновенно, даже закатывая глазки, проговаривала девушка, не обращая внимания на посетителей, уже не обращающих внимания на нее. – Они были миссионерами, просвещали дикие народы, несли им достижения европейской цивилизации.

Изумрудов остановился точно напротив Сашеньки и шевелил губами, будто повторяя про себя все сказанное экскурсоводом. Через время девушка все-таки это заметила и, немного смутившись, спросила:

– А вам действительно интересна эта тема?

– О! Я просто потрясен героизмом этих самых конкистадоров! – воскликнул Изумрудов. – Каким мужеством нужно было обладать для того, чтобы нести дикарям свет веры и знания!

– Вы и вправду так считаете?

– Безусловно!

– Знаете, – неожиданно для себя доверительно прошептала Сашенька и, прикрывая рот рукой, словно борясь со своими вылетающими словами, добавила: – Я никак не могу взять в толк, зачем миссионерам такая броня? Ведь не только же для красоты? Неужели в этой истории больше мрачного, чем великого?

– Что вы! Это же Америка! Там жило много диких-предиких зверей! – почти прокричал Изумрудов с чувством. – Да и индейцы не были самыми гостеприимными людьми на планете. А нас прибыло туда так мало. Мы просто обязаны были самосохраняться, чтобы выполнить возложенную на нас светлую миссию в те жуткие времена.

– Что?! – настороженно, но и одновременно испытывая безмерное любопытство, напряглась Сашенька.

– Да, да, да, – Изумрудов миролюбиво закивал головой и, подхватив девушку под руку, отвел немного в сторону: – Должен вам признаться... Я в своей прошлой жизни был одним из них. Узнал об этом после сеанса гипноза и вот теперь вижу все так ясно, помню каждую мельчайшие детали тех событий.

Глаза Сашеньки взорвались восторгом. Она в возбуждении и томлении стискивала руку новоявленного «испанца» и не могла оторвать от него глаз.

– И что... что вы помните? Как все это было? – почти беззвучно вопрошала она сдавленным голосом.

– Увы, – Изумрудов деликатно отодвинул ее от себя и, деловито взглянув на часы, сообщил: – Я собственно сейчас крайне занят, спешу по делу. Если вы желаете узнать, то давайте расскажу все, скажем, вечером. В десять часов устроит?

Авантюрист замер и ждал, как отреагирует Сашенька, все-таки ее согласие на поздний час свидания даст надежды на многое.

– Вы придете ко мне? – волнуясь, пролепетала девушка.

– Однозначно! – гаркнул «конкистадор» и, резко крутнувшись на каблуках, зашагал к выходу, стараясь походить выправкой на бравого завоевателя-миссионера, предвкушая, что доброе сердце Сашеньки не позволит ей выгнать позднего гостя в ночную мглу, и она вынужденно предложит ему остаться у себя до утра.

«Главное, побольше ей наговорить чего-нибудь, а там уж и полночь! – бешено стучало в висках Изумрудова. – Кем же мне предстать перед ней: воителем или скромным миссионером? Нужно что-то среднее, ведь ее привлекают как поступки испанцев, так и их латы. Что ж, буду воином духа и плоти одновременно! Мне теперь можно все!»

Для того чтобы найти нужную информацию, наш герой обратился за помощью к всемирной паутине. И снова наткнувшись на объявление «страдальца», Изумрудов уже привычно поохотал над превратностями судьбы и провалился в историю мрачных подвигов Кортеса и тех, кто до него и после «осваивал» Новый Свет. Через пару часов удовлетворенный полученной информацией наш герой стал планировать сценарий вечерней встречи с объектом своих симпатий. Внутри у него периодически возникала некая сумятица чувств: то, что он испытывал к Сашеньке раньше – такое бессильное и пульсирующе-ранимое, но проросшее в сердцевины каждой клетки организма – пыталось о себе напомнить, выскальзывая из каждого уголка сознания, а ЭТО, что Изумрудов чувствовал теперь как «энергоноситель», беспощадно отторгало прошлое, мешающее ощущать жизнь по-иному. В итоге новый Изумрудов окончательно победил прошлого.

А тем временем Сашенька пребывала в неопишимо волнительном и пугающем ее состоянии и просто не находила себе места. События, развернувшиеся так стремительно, полностью выбили ее из привычного ритма жизни.

«Да! Конечно, он меня поразил, но как я могла так сразу довериться незнакомцу?! – переживала девушка, и тут же успокаивала себя: – Но ведь он очевидец моей любимой эпохи! И я почему-то уверена, что он не был банальным грабителем и колонизатором, по его виду сразу понятно – искренний альтруист! Поборник веры! И у него такие глаза... А какие у него, вообще-то, глаза?! Ой, я же ничего не рассмотрела в нем толком...»

С такими мыслями Сашенька как в тумане добрела до своего дома. Она сразу бросилась к книгам, в которых рассказывалось об открытии Нового Света. Она лихорадочно перелистывала страницы, пытаясь найти на картинках знакомое лицо. И порой ей казалось, что это именно он, ее сегодняшней гость, стоит с подозрительной трубой на носу старинного корабля и устремляет свой взор на берега прекрасной еще неизведанной земли. Это именно он – один из аделантадо, возглавляющий небольшой отряд христианских солдат, – совершает великие

географические открытия и несет местным диким народам зарю европейской культуры и прогрессивных достижений.

Сашенька так погрузилась в свои фантазии, что даже не заметила, как пролетело несколько часов. Ей уже чудились балы при королевском дворе и добропорядочный идалго, тот который только сегодня появился в ее жизни, приглашал ее на танец. Она спохватилась, встряхнулась и бросилась на кухню готовить угощение странному, но так обворожительно манящему своей загадочной судьбой новому знакомому. Затем долго примеряла свои наряды, кружась радостно возле растрескавшегося трюмо. Появившиеся неизведанные чувства и ощущения были так удивительно приятны, что Сашенька стала тихонько напевать какой-то веселый мотивчик, хотя старалась не позволять себе этого делать никогда, даже оставаясь наедине. Она считала отчего-то это дурным тоном, но сейчас она не хотела ограничивать себя ни в чем. Когда же стал приближаться час встречи, Сашенька вообще не могла найти себе места: она бегала по квартире из угла в угол, то одергивая шторы, то поправляя книги на полке. Девушку переполняли чувства...

Будучи убежден, что главный женский орган любви – это уши, Изумрудов набросал небольшой опорный конспект, чтобы было куда подглядывать, если случится заминка, и снова обратился за помощью к зеркалу, перед которым попытался отточить несколько звучных фраз, подбирая сопровождение – наиболее выгодные для себя жесты и выражения лица. Все же его ждала встреча с той, о ком он грезил долгие годы. И чтобы это «бессильно-ранимое» к Сашеньке вдруг внезапно не выскочило наружу в самый неподходящий момент, он изрядно выпил.

Когда он вошел, Сашеньке даже померещилось, что на нем было облачение конкистадора: тускло поблескивали потертые латы, а сбоку на поясе покачивалась шпага. Гость ослепил ее глаза своей благородной статью, проявляющейся в каждом его шаге и взгляде. Она порой даже не слышала его слов, мозг девушки сам рисовал так желанный ей образ и картины невероятных деяний... Ах, этот мир грез! На что он обрек тихую скромную девушку?!

Она уже не могла противостоять процессу своего влечения к «конкистадору», и даже когда его руки оказались у нее под блузкой, Сашенька только дрожащим голосом повторяла: «Что вы делаете... что вы делаете... вы... вы... я...»

– Вы меня оставите? – тихо спросила Сашенька утром, высунувшись из-под одеяла.

– Да что ты?! – зевнул Изумрудов, переворачиваясь на живот. – Мне с тобой очень хорошо.

Девушка радостно взвизгнула и принялась осторожно гладить мужчину по рукам и спине. Цветок был сорван, и теперь уже спокойно его можно было перенести из мозга на лацкан своего пиджака. Необходимость в Сашеньке Изумрудов ощущал, но еще большую необходимость он испытывал в ее жилплощади. «Конкистадор» огляделся. В сравнении с его затхлым жилищем апартаменты девушки значительно выигрывали в привлекательности и уюте. Он переехал к своей пассии незамедлительно. Это не вызвало особых проблем. Имеющийся скарб Изумрудову был в тягость, да и не надобен, поскольку только напоминал бы о жалком периоде жизни и потерянном времени. Наш герой наслаждался нынешним моментом и больше не желал даже вспоминать о себе недавнем – неудачнике.

Сашенька же постигала для себя значение понятия «счастье». Именно таким оно ей и представлялось. Вот эти крылья! Вот этот мужчина! И столько непонятных внутренних сил и бесконечный калейдоскоп переливающихся всеми радужными цветами чувств. Ей было хорошо. А больше ничего она и не желала. Сашенька так воспылала страстью, что готова была превратиться в бездну любви и полностью погрузить в себя своего избранника. «Америка»

Сашеньки пала перед «конкистадором» и, наверняка, уже не осталось в ней ни одного уголка, который бы не сдался на милость «добрého» колонизатора.

Конечно, она не перестала любить средневековую Испанию. Напротив! Воспылала к ней еще ярче. А как же иначе, ведь вместе с ней жил сам идадьго тех времен! Пусть он и принял другую оболочку, но в душе он оставался таким, каким был тогда. И Сашенька постоянно теребила его, расспрашивая обо всем на свете. Естественно, касаемо той эпохи. Ей было интересно описание всего: одежды, рыцарского облачения, драгоценностей, посуды и даже инквизиторских орудий пыток. Узнавать, так узнавать обо всем! Зачем же составлять для себя лишь романтическое представление о тогдашней жизни?

Однако Изумрудов больше отнекивался. Все ссылаясь на протертую память, сквозь которую, как через сито, выскользнули практически все воспоминания тех дней. Но Сашеньку не просто раздирало любопытство, она подходила к этому процессу познания, как ученый, правда, доверившийся весьма сомнительному источнику информации. Однажды она для того чтобы мотивировать «конкистадора» хоть что-то вспомнить, затащила его к себе в музей, решив: «Пусть походит, посмотрит на старинные экспонаты, а вдруг и разбудит свою память».

Наш герой, пребывая мысленно в поисках решения «чемоданно-денежного» вопроса, согласился пойти с Сашенькой. Свои наполеоновские планы ему было все равно где обдумывать. Медленно они обходили замершие во времени залы, девушка потихоньку направляла своего «испанца» туда, где находились латы, которые он, вероятно, когда-то носил и сам. Но внезапно Изумрудов встал как вкопанный напротив древнегреческой амфоры. Его затуманенный взгляд моментально прояснился, и глаза, нервно забегав, стали поблескивать какими-то зеленоватыми вспышками. Наш герой словно прилип глазами и не мог оторваться от нарисованного на глиняном сосуде огромного мужика, ухватившего за змеиное горло какое-то чудовище. Сашенька потянула его за руку, мужчина грубо отдернул ее, но тут же, спохватившись, повернулся к девушке и заулыбался ей во все свое пунцовое лицо.

– А Расскажи мне об этой штуке! – жарко прошептал он, еле сдерживая восторг от мысли, осенившей его разум.

– Ну, амфора... древняя, но не особо ценная, – недовольно начала экскурсовод.

– Вот, вот, вот! Дальше!

Она заученно говорила о том, что амфора – образ женского начала, символ материнской утробы. Многофункциональная культовая вещь у греков: и хранилище продуктов, и урна для голосования, и приз на спортивных соревнованиях, и семейная реликвия. А на деле всего лишь большой сосуд с узким горлышком и двумя ручками. Правда, есть обязательный атрибут – причудливая филигранная роспись на мифологические темы.

– А на этой что изображено? Такая чудная картиночка!

Сашенька была недовольна столь настойчивым вниманием Изумрудова к этому горшку. Она хотела, чтобы он поскорее надел на себя средневековые доспехи и стал настоящим конкистадором. Но ее герой был непреклонен и все расспрашивал и расспрашивал. Ей пришлось поведать ему миф Древней Греции, о коем и сообщалось в рисунке на амфоре. А там был изображен Геракл, уничтожающий в один из своих подвигов Лернейскую гидру.

– Все, Сашенька! Спасибо! Замечательно! Мне нужно срочно бежать! – радостно прокричал несостоявшийся конкистадор и бросился к выходу. Сашенька шмыгнула носом, и, вздохнув, поклялась себе, что в следующий раз обязательно наденет на Изумрудова доспехи и заставит его вспомнить все.

Наш герой влетел в квартиру и устремился в дебри интернета, на поиски того самого «страдальца». И он его нашел. В сбивчивых выражениях Изумрудов отписался «заказчику» о своей находке: о раритетной амфоре, о Геракле, рубящем головы Гидре, и даже о прочих подвигах мифологического великана, о которых только смог припомнить.

«Гидра?! Во! Самое оно! – отозвался страдалец. – Давай его! Горшок этот! О сумме вознаграждения договоримся, дам много!»

И он назвал цифру, от которой у нашего «энергоносителя» от радости искры посыпались из глаз. Возможность легкого способа наживы затуманила мозг Изумрудова. Теперь нужно было лишь придумать, как «изъять» амфору из музейных сокровищниц. Как подбить на это Сашеньку? Решится ли она на такой шаг?

Амфора искушала разум Изумрудова. Она представлялась ему девой невиданной красоты, снилась по ночам и звала, манила, заламывая свои тонкие ручки в полукольца, вытягивая изящную шейку и покачивая полными упругими бедрами, на которых Геракл все рубил и рубил головы вымышленному чудовищу...

Изумрудов стал медленно воплощать свой план в жизнь, важнейшим действующим лицом которого была само собой Сашенька. Ведь она могла потихоньку вынести эту глиняную штуkenцию из музея и передать желанную вещь мошеннику лично в руки. Ему теперь нужно было во что бы то ни стало уговорить ее пойти на преступление. Наш герой преобразился. Стал поистине конкистадором, каким его и хотела видеть Сашенька. Они теперь были неразлучны. «Испанец» в свободное от ее работы время таскал девушку по паркам и скверам, водил в кино и зоопарк. Откуда только в нем появилось столько красноречия? Откуда взялись такая фантазия и мальчишеский задор в его рассказах? Он без умолку повествовал ей о средневековых временах. Даже терпеливо относился к ее увлечению гороскопами. А Сашенька была сама не своя от столь ярко вспыхнувших чувств «конкистадора».

Изумрудов в мыслях строил планы похищения амфоры, а на словах он с усиленным энтузиазмом доказывал девушке, что «Саша плюс Сашенька» – это что-то запредельно-желанное для него. Она ему с упоением рассказывала о музейных экспонатах, а он ей – о своей прошлой жизни. Той самой, когда он с адмиралом Колумбом все открывал и открывал новые земли: вначале узкие береговые полосы, а затем они продвигались вглубь материка, где им обещали материализоваться мифические города, чудесная страна Эльдорадо и источники вечной молодости. «Вспоминая» вздохнув, Изумрудов преподносил себя не иначе как «покровителем индейцев», утверждая, что лишь благодаря ему Конкиста стала дружелюбной и просветительской кампанией. По крайней мере там, где он в ней участвовал. Когда же Изумрудов дошел в своих рассказах до похода на Гондурас, он почувствовал, что запас его воображения начал иссякать. К тому же он так мысленно запутался в географическом смысле, что просто не знал, куда его отряд должен был повернуть, чтобы попасть в этот самый Гондурас: направо или налево? Но Сашенькин мозг был уже настолько поработан, что она явно не заметила бы какие-то неточности завиральных историй ее «конкистадора».

Безусловно, Изумрудов питал особые чувства к своей избраннице, все же он мечтал о ней несколько лет. Но нет другой силы мощнее жажды обогащения в человеке, прожившем долгое время в нужде. Даже страсть к желанной женщине не смогла сгладить обострившееся стремление Изумрудова к наживе. И он был готов безжалостно использовать возлюбленную в своих корыстных целях, лишь бы заполучить эту амфору. Он был уже не тот, который затаив дыхание выжидал часами, когда девушка появится в их общем дворе, наискосок пересечет его и скроется в обшарпанном подъезде, унося в очередной раз с собой мечту... мечту Изумрудова. Он стал «энергоносителем», а значит, теперь у него должны быть совсем другие мечты. А Сашенька оставалась прежней. И она хотела любви. Понимая это, наш герой уделял самое максимальное внимание бутафории чувств.

– В отношениях мне важен душевно-интеллектуальный комфорт... душевное соитие... – говорил он трепетно и обволакивающе, будто бы пытался соблазнить, и медленно подготавливал ее к развязке: – Только с помощью тебя я могу получить желаемое. Ты же сделаешь для меня все?

В один из вечеров он решил, что она уже созрела. Достал припасенную заранее бутылку испанского вина, зажег свечи и, дождавшись, когда девушка вернется с работы, подхватил ее и закружил в танце. Она доверчиво прижималась к нему и томно вздыхала. А он ей шептал на ушко:

– Сашенька, у тебя такое изысканное и притягательное... женское начало... Ты вся такая утонченная и чаще-бедренная... в смысле фигуристая... с двумя ручками, прямо как твоя музейная амфора...

– Да что вы право! – шепнула девица, утопая в красноте смущения. Она до сих пор звала своего «конкистадора» на «вы», даже разделив с ним постель. – Я совершенно обычная... Ой, вы такое говорите... Вы, Александр, мне теперь так близки...

Девушку вдруг стали терзать тяжелые раздумья, ее мучала недосказанность. Она чувствовала себя грешницей перед этим святым человеком.

– Я вам должна признаться... может вы не заметили, все-таки были пьяны... но мне за это так стыдно... что до вас... у меня были... я досталась вам не девственной...

Сашенька зарделась, и стала суетливо расстегивать пуговицы на своей блузке, чтобы разрядить обстановку, и добавила: – А амфоры, кстати, нет. Пропала. Полиция уже ее ищет. А директор музея отчего-то даже совсем с виду не расстроен. Да и кому она нужна? Какому-нибудь сумасшедшему коллекционеру?

Изумрудов осекся, его колени дали слабину и он чуть не рухнул на пол. Как закипающий чайник, он несколько минут жадно хватал воздух ртом. Затем все-таки злоба его за бурлила и вырвалась наружу:

– Как?! Как ты могла! Как ты не углядела?! Дура! Не сберегла! Я же возлагал на тебя такие надежды! И все теперь превратилось в прах! А-а-а!

Изумрудов, впопыхах набросив на себя пиджак, хлопнул входной дверью, надевая куртку на лестнице и перепрыгивая заодно через три ступеньки, выскочил на улицу. Он не мог пережить такого удара. Казалось, удача уже была в его руках, но все вмиг оборвалось. Провал! Проигрыш!

Через время все же хватило его воспаленному мозгу додуматься, что в этом деле замешан непосредственно заказчик. Изумрудов судорожно начал припоминать их переписку и сейчас точнейшим образом воспроизвел в памяти весь свой скоропалительный монолог и об амфоре, и о подвигах Геракла и о музее. Возбужденные извилины Изумрудова сплелись и вытянулись в одну монолитную струну, издающую от напряжения глухой утробный звук. Только одна мысль полностью поглотила его – мечь! Нужен план мести! Самой изощренной! Самой жуткой! Самой...

А Сашенька, ничего не подозревавшая об «амфорных» чаяниях Изумрудова, всю его эмоциональную тираду приняла на свой счет.

– Ах! – вскрикнула девушка и взметнула ладошки на свои пылающие щеки. – Вот из-за чего все рассыпалось! Вот почему он ушел! – и бросила злой взгляд на фарфоровую вазочку, стоящую на журнальном столике. Дело в том, что перед приходом Изумрудова, Сашенька забыла повернуть ее другой стороной, как она это всегда делала в ожидании гостей. Зачем, спросите вы? О, это знак-напоминание! Девушка держала треснувший бок вазы у себя перед глазами, чтобы не забывать о том, что все в этом мире хрупко и надо относиться ко всему бережнее и внимательнее. А от людей она просто прятала этот разбитый бок, чтобы не подумали о ней чего-нибудь не того.

В общем, Сашенька мыслила в сложившейся ситуации как все заурядные девицы, отыскивая бессмысленные приметы, и придумывая себе бог весть что. Слепленная чувствами девушка вначале расстроилась донельзя, но затем всколыхнулась от мысли, что «испанец» просто не смог сразу пережить и понять ее не девственность. «Значит, он ревнует! Стало быть, любит меня так сильно! Вот какие он чувства ко мне испытывает...» – думала Сашенька и успо-

каивала себя тем, что ее «конкистадор» придет в себя и вернется к ней. Женщине ведь присуще иногда самовнушение, что это и есть та великая неземная любовь, полагая, что мужчина сбежал просто по романтическим причинам – не уверен в ее чувствах или же боится своих мощных сердечных импульсов.

«Какой он чувствительный, каких благородных нравов! Я такого и ждала! Он мне нужен! Мы созданы друг для друга! И он будет счастлив только со мной!» – вихрились мысли в голове, и ее тело волнообразно охватывало истомой. Сашенька, с головой погрузившись в пучину самообмана, была готова теперь отправиться за Изумрудовым хоть на край света. Однако через полчаса на девушку нахлынула абсолютно несвойственная ей прагматичность. Однозначно высокие чувства могут вызывать в человеке все что угодно и побуждать его к непредсказуемым поступкам. Но в случае с Сашенькой, кажется, все обошлось по минимуму. Женские заморочки на счет «ждать и надеяться» ей почему-то сейчас совсем не нравились. «Если упустить время, то любимый, возможно, собьется с пути... в его паруса может подуть другой ветер... хотя бы вон от Нинки из соседнего подъезда... а в такие минуты отчаяния влюбленные так бездумны и слабовольны... мне нужно его скорее разыскать!» – размышляла Сашенька. Упустить свое «счастье» она ни за что не хотела. Но и самой бросаться на поиски, она посчитала совсем не подходящей затеей. Невзирая на свое взволнованно-неуемное состояние, Сашенька сумела мыслить трезво. Что она смогла бы сама? Где бы искала его?! Выход был один – довериться профессионалам.

Довериться профессионалам

Он, немного сутулясь и прикрывая свое лицо ладонью, стремительно ворвался в квартиру девушки. Переводя дух, словно после погони, сразу же приник к дверному глазку и так простоял несколько минут. Сашенька подозрительно оглядела мужчину. Потертый плащ и грязные ботинки пришельца не очень-то располагали к доверию. Но делать нечего, другие частные детективы были нарасхват, и к ним следовало записываться в длиннохвостую очередь. А этот все-таки откликнулся практически сразу, что позволяло незамедлительно приступить к поиску возлюбленного и подразумевало больше шансов на успех.

– Не рассматривайте меня, – резко бросил он. – Таких, как я, мало кто знает в лицо. Профессия уж такая. К делу! Что у вас, выкладываете. Для общей информации – мой девиз: «Я никогда не ем, пока не распутаю дело!» То есть не даю себе размягчаться, поддавшись приятной стабилизации пищеварительного процесса. Всегда начеку и довожу начатое дело до конца! А потому оплату вынужден просить соответствующую моему рвению и самоотдаче. Так что там у вас случилось?

– Вам с делами амурными приходилось, надеюсь, сталкиваться? – напряженно спросила она.

– О, да! – деланно воскликнул он и к чему-то вспомнил, что достаточно неплохо стрелял в детстве из лука. Сыщик уже давно не был так пылок к женщинам, чтобы до умопомешательства, поэтому все эти страсти вызывали у него лишь ухмылку. Прошли те времена, когда при виде эффектных женщин у него отвисала челюсть. Теперь он мгновенно находил изъяны в любом существе женского пола, распознавал уловки обманчивой и противоречивой женской сущности и глумливо зубоскалил и над девицами, и над любыми проявлениями романтических чувств. Он и сейчас не сумел сдержаться, но все же спохватился, чтобы не обидеть клиентку и, покачав предосудительно головой, спросил:

– Неверный муж? Ничего, расследуем. Выведем изменника на чистую воду. Вывернем ему рога! Вернее... ну, неважно.

– Понимаете... – начала Сашенька, смущенно захлопав глазами. – Дело несколько другого характера...

Как все-таки в зависимости от обстоятельств могут до неузнаваемости меняться женщины. Куда с Сашеньки слетела вся интеллигентная блажь?! Она вмиг преобразилась и предстала перед частным детективом холодной и расчетливой девицей.

– Этот подлец обесчестил меня! – выпалила вдруг она, и, пытаясь пробудить в этом истукане частного сыска хотя бы жалость, добавила: – И... и я... беременна! Нужно его найти и вернуть! Живым и невредимым! Я сама позабочусь о его наказании! Устрою ему «счастливую» семейную жизнь! Подсыпьте ему лошадиную дозу снотворного! Наденьте на него наручники и привезите его!

– Что ж, это пустяковое задание для моего калибра, – тщеславно заявил гость и тут же спохватился: – Но затраты будут, предчувствую, весьма значительные. Фотоизображение злодея имеется? И попрошу описать его приметы и повадки.

– Да, конечно, – ответила девушка и принялась рыться в серванте. Наконец-то, из пластмассовой шкатулки она выудила на свет небольшую фотографию своего конкистадора и протянула ее сыщику: – Держите, есть у меня одна. Мимолетное фото... отрываю от сердца...

Сашенька и сама не знала, зачем она врет, вероятно, быстро втянулась в эту игру. Таких фотокарточек она наделала штук сорок и рассовала по всем затаенным уголкам своих девичьих сокровищниц, но ей все равно было жалко расставаться даже с одной из них.

– Мда-а, это вы на каруселях катались? – сокрушенно спросил сыщик, рассматривая перекошенное фотографическое лицо с вздыбленными волосами.

– Он очень любил аттракционы, – скорбно ответила девушка, будто бы ее избранник уже «почил с миром».

Сашенька только сейчас задумалась, отчего у нее не появилось хоть каких-то красиво-постановочных фотоснимков с Изумрудовым? И тут же решила, что впредь она будет практичнее и предусмотрительнее. Терпеливо выслушав сбивчивый рассказ девушки о привычках и нравах пропавшего, сыщик удалился, не забыв прихватить аванс и даже тщательно пересчитать полученные деньги. И уже на ходу бросил, что будет информировать клиентку о каждом своем шаге, и тем более успехах.

Отступив на несколько месяцев назад, мы могли бы встретить человека, взалхлеб читающего детективные истории и мечтающего о славе сыщика. Почему именно этой? Трудно сказать. Видимо, ему казалось, что это самый незамысловатый путь к личному успеху, причем хорошо оплачиваемый. Он стремился походить на известных литературных сыщиков и даже придумал себе звучное имя – Кир Тонов. В мыслях он готовился к великолепной карьере. Грезилось ему, конечно, раскрыть какое-нибудь великое дело государственной важности. И непременно международный заговор, чтобы сразу же его имя стало известным повсюду. Но время летело, а удача не очень-то искала его. Заказы, если и случались, были скучнее некуда, и заработков едва хватало на жизнь. Но он не отступал, поскольку его воспаленное воображение рисовало картины будущего только в ярких тонах. «Для Тонова неприемлемо никаких полутонов!» – говорил он себе и ждал своего шанса.

Еще в детстве Кир (будем теперь называть его только так, ибо других имен он больше не воспринимал) открыл в себе некие таланты. Естественно, все они были связаны с пропажей различных вещей. Он весьма ловко, обладая инстинктивным, по его разумению чутьем, находил все потерявшееся: будь то ключи или очки подслеповатой бабушки. Бывало, чтобы поддерживать свой сыскной авторитет, он некоторым вещицам и сам помогал пропасть. Обладал он и незаурядным мышлением. Когда дети звали играть его в прятки и выбирали «водить», он спокойно отправлялся домой и в больших количествах поглощал сладости, находившиеся в кухонном буфете, чтобы мозг получал необходимую подпитку для глубоких размышлений. А возвратившись к месту игры, сразу находил всех ребят, которым наскучивало прятаться, и они сами выходили из своих укрытий. То есть стратегию управления ситуациями он освоил еще с малых лет. Но теперь-то жизнь требовала от него более ярких проявлений своих способностей, а звезды ему отчего-то все не благоволили. И с возрастом Кир чаще стал себе повторять: «Это не мой мир, но нужно брать от него все, что можно».

И он брал. Способствовало этому и родившееся в детстве «сыскное» тщеславие. Его юность омрачилась несколькими криминальными сюжетами, которые он тщательно скрывал. Теперь Кир уже стал более осторожен. Новое поле деятельности обещало ему все, что он и хотел. Увлечение теперь стало для него делом всей его жизни. Открыв частное детективное агентство, он искренне верил, что на этом поприще ему жизнь улыбнется такой широкой улыбкой, что у нее выскочат челюсти от удивления или зависти.

Женщины... Они ему только мешали, он был уверен, что они лишь паразитируют разум. Но к Сашеньке испытал теплые чувства. Правда, только потому, что она увидела в нем профессионала. Вся эта история привлекла его еще и тем, что он, решив удачно задачу, мог бы снискать себе бульварную известность среди дамского общества. А это стоило многого, да и барыши сулило немалые. Ведь обманутые женщины очень мстительны и щедры. И он воодушевленно взялся за работу.

По дороге домой сыщик пугал всех встречных подозрительных типов, чтобы сличить с фото. Но делал это всего лишь в качестве разминки, так как сразу решил, что по мужскому железному правилу разыскиваемый, «отметившись» на этой территории, должен на время сменить район своей «любовной» деятельности, дабы избежать возможных столкновений с обманутой женщиной. Припоминая скоропалительный монолог Сашеньки, у детектива в памяти

всплыли приятные подробности о якобы испанских корнях Изумрудова. Кир Тонов, захлестнутый радостной волной предвкушения заграничной командировки, разумеется, за счет клиентки, заглянул по пути в книжный магазин, где разжился атласом мира и путеводителем по Испании. Решив, что сегодня он и так продвинулся очень далеко в своем расследовании, Тонов провел вечер в дешевом кафе, находившемся неподалеку от его места жительства. Нужно было все обдумать, да и отметить свой первый официальный аванс как подобает.

Слюнявя страницы путеводителя и периодически орошая их каплями вина, Кир Тонов уже видел себя на солнечных улицах Мадрида и Севильи. Хотя инстинкт сыщика ему подсказывал, что надо сразу же отправляться на побережье, а не шататься в глубине государства. Но не все ли равно, если платить не из своего кармана? И ему уже мерещились чернявые испанки, полуобнаженные фигуры отдыхающих и солнце... много солнца и тепла...

К ужасу тети Глаши Изумрудов вернулся в родные пенаты. Она не знала, как себя вести с изменившимся до неузнаваемости соседом, и предпочла его просто не замечать. Нашего героя это вполне устраивало. Он полностью погрузился в раздумья. Отомстить заказчику весь его энергокипящий организм считал делом чести.

«А Сашенька? – подумал Изумрудов. – Что делать с ней?» Все-таки она оставалась женщиной его помыслов и чаяний. Пусть уже не настолько душераздирающе и трепетно он вспоминал о ней, но все же. Или это было лишь когда-то? Может быть, жгучее влечение к ней уже удовлетворено или вытеснено впившейся в него энергией? «Конкистадор» машинально прошептал: «У любви как у птички крылья...» Ведь он ощутил настолько многообразный вкус жизни и понял, что его новая действительность не может измеряться одной только Сашенькой. Его запросы к этой реальности намного шире и по своим габаритам не могут уместиться в хоть и привлекательных, но все же ограниченных объемах хрупкого девичьего тела. Перед ним открывались невиданные горизонты, а Сашенька могла стать для него просто якорем.

«Потом разберусь в своих чувствах. А она подождет, никуда не денется», – решил «конкистадор». Изумрудов теперь абсолютно не сомневался в том, что ему, даже кардинально изменившемуся, в таком опасном и прекрасном пути к своей цели любая женщина будет лишь помехой. Но в то же время примеры из шедевров мировой литературы, еще не стертые напрочь из памяти, многократно заверяли его в том, что представительница прекрасного пола может стать и вполне приемлемым инструментом для достижения своих корыстных целей. Замысел соткался буквально из блуждающих атомов-мыслей в прочную сеть коварства. Пусть использовать Сашеньку, как того хотелось бы, у него и не вышло, но это был всего лишь пробный шар. Теперь будет все иначе. Изумрудов решил обратиться за помощью к профессионалам...

Ангела жаждала любовных приключений, но ей попадались в основном скудные мужчины, и от этого она все больше разуверялась в наличии чистой любви в этом мире. Изумрудов, обнаружив ее в одном из ночных клубов, сразу понял, что она профессионал по выколачиванию денег у самцов самым гуманным способом. Способом обольщения. Он почувствовал это сразу и, еще не сказав ей ни слова, мысленно включил ее в свою команду. То что Ангела профи в своем деле, не вызывало ни толики сомнений. Длинные блондинистые волосы, собирающиеся в кольца на ушах, короткое облегающее платьице, пышный бюст, сногшибательная фигурка. В общем, она была безупречна для предполагаемого мероприятия.

«Энергоноситель», ощущая свою внутреннюю мощь, не стал медлить. Ведь дело не сдвинется, пока ты сам его не сдвинешь. Он расположился за одним из столиков и сразу перешел в атаку. Несколько двусмысленных подмигиваний – причем попеременно то левым, то правым глазом – естественно привлекли внимание девушки. Она, не раздумывая, приблизилась к незнакомцу и замерла в ожидающей позе. Изумрудов жестом пригласил ее присесть рядом и молча подвинул к ней коктейль. Она медленно утоляла жажду, внимательно разглядывая

«конкистадора». Но, вероятнее всего, ни жажды, ни своего любопытства одним махом она утолить не смогла. Анжела молча отодвинула от себя пустую посуду и призывно вперила пронзительный взгляд, полный надежд и обещаний, в нового знакомого, показывая тем самым, что к развитию контакта вполне готова. Изумрудов под благодарное мурлыканье девицы заказал еще один коктейль.

– Анжела я, – то ли похвасталась, то ли просто представилась девушка.

– Я хочу нанять вас на работу, – начал Изумрудов без обиняков, – предложить небольшое, но весьма выгодное дельце. Надеюсь, вы не против заработать приличные деньги, не особо напрягаясь и не затрачивая на это много времени?

Глаза Анжелы хищно заблестели... То, что она могла говорить лишь об очевидных вещах, «конкистадора» ничуть не смущало. Единственное, что омрачало его душу, так это отсутствие конкретного плана мести. Он, безусловно, понимал, что наглого «страдальца» просто наказать, раскрутив на деньги, – мало. Нужно еще и лишить этого типа всяческих перспектив. А для этого необходимо представить его перед тещей, от которой он так зависим, в негативном свете такого вида, чтобы подействовало наверняка и безвозвратно. Главное, что ему удалось найти Анжелу, она-то и выполнит все необходимое. И, скорее всего, именно она поможет и прорисовать все мелочи, отточить детали задуманного действия, ведь на самом деле мало кто из мужчин поднаторел в искусстве плетения интриг и козней. Но у женщин... это у них в крови.

– Месть – блюдо, которое нужно подавать холодным, – разглагольствовал Изумрудов. – Да как же его остудить, если это чувство разъедает мозги и обжигает руки?! А отомстить мне сам бог велел. Вы, Анжела, даже не сможете себе представить, как меня обидел этот невыносимый субъект. Так что святая месть для меня – это главное. Но все же добычу мы разделим так: мне – 90 процентов, остальное вам.

– Хам! – возмутилась Анжела. – Вы, как и все мужчины! Пользуетесь расположением девушки беззастенчиво!

– Но от вас, возможно, не потребуется никаких постельных сцен, – резонно заметил Изумрудов.

– Тогда дело намного сложнее, – решила девица. – Я согласна только на две третьих.

– Анжела, что вы хотите от жизни? – ухмыльнулся «энергоноситель».

– Хочу... в Париж!

– У вас истерия французского толка. Это по крайней мере не патриотично! Ну да ладно. Будет вам Париж. Давайте сойдемся на пяти двадцатых! Пять частей – это же больше, чем две. По рукам?

Анжела была не сильна в такой математике, да и пристыженно подумала, что пока торговаться особенно и не стоит. Но уж в подходящий момент она-то постарается не обмишкулиться в процессе предстоящей авантюры. По-тихому возьмет все, что, по ее разумению, ей и должно причитаться. Девушка подтвердила согласие молчаливым кивком, но свою руку в ответ не протянула. Пусть не думает, что ее так легко уговорить.

Изумрудов на время расстался с Анжелой. Ему нужен был четкий план действий, но возмущенное сознание рождало в мозгу только сцены зловещей казни «страдальца». Причем обязательно публичной, со всевозможными истязаниями и унижениями. Конечно же, о непосредственной физической расправе «конкистадор» не помышлял. Но он был настолько зол на обидчика, что хотел найти такое моральное наказание, которое бы повлекло за собой грандиозные последствия: «Втоптать этого гада в грязь! Уничтожить как личность!» С таким эмоциональным фоном наш герой, естественно, не смог бы самостоятельно придумать мало-мальски стоящий план возмездия. Ему надо было остыть, но внутренняя энергия только распалаяла в нем огонь и ярость. Поэтому без Анжелы ему было уже никак не обойтись.

По счастливой случайности в одной из местных газет Изумрудов заметил небольшое объявление. Его очень скромные размеры можно было оценить двояко: либо податель сего

чрезмерно скуп, либо он пребывает в весьма бедственном финансовом положении. Любой из вариантов Изумрудова устраивал, поскольку оба они сулили помощь за незначительное вознаграждение. Да, а суть объявления заключалась в следующем: некое детективное агентство предлагало свои услуги в любых щепетильных делах. Злорадно подумав: «Да убьется неведомого меня враг!», злопыхающий мститель набрал указанный телефонный номер.

Сыщик не заставил себя долго ждать. О, да! На встречу к Изумродову пришел именно Кир Тонов, полагая, что сопутствующее дельце ему ничем не помешает, – лишняя копейка греет карман. Детективу не закралась в голову даже микроскопическая мысль о том, что визави и есть объект его поисков по делу «обрюхаченной молодки», как он обозначил для себя заказ, поступивший от Сашеньки. Мужчины расположились на скамейке в городском парке. Тонов попытался придать своей персоне пафосную многозначительность: вальяжно распластался, насколько это позволило деревянное сооружение, рядом с клиентом, попытавшись занять собой большую часть пространства, и вычурно изображал профессионализм, подкрепляя это замысловатыми знаками, рисуемыми руками в воздухе. Но вдруг осекся. «Конкистадор» одним насмешливым взглядом превратил в пепел все старания сыщика и лаконично объяснил суть поручения. От знатока сыска ему нужна была лишь расширенная информация о «страдальце» и полное досье на его тещу – как ключевую фигуру в предстоящей интриге. Кир Тонов почувствовал нечто необъяснимое и пугающее, исходящее от Изумродова, и быстро согласился работать без предоплаты, причем за смехотворное вознаграждение. Он отчего-то захотел скорее распрощаться со своим новым заказчиком и стал суетливо озираться по сторонам. Но все-таки напоследок искорка неосознанного профессионального беспокойства промелькнула в его глазах и он, подозрительно прищурившись, уточнил:

– А у вас родственников, случайно, за границей не имеется? Например, в Испании?

– Да что вы! – хмыкнул «конкистадор». – Я местный от рождения. Все корни мои и жизненные якоря здесь.

Кир Тонов поспешно откланялся, размашистым шагом пересек аллею и шмыгнул в первую попавшуюся подворотню. Неприятный осадок от встречи с незнакомцем мешал ему сосредоточиться, и только мысли возмущения блуждали в его извилинах: «Почему я согласился на его условия? Как я позволил себе так продешевить? Может, следует вообще отказаться? Хотя, заработок даже небольшой – это все же заработок. Да и дело пустяковое, совсем не затратное».

Изумродов и сам немного опешил. Эта энергия, вошедшая в него из тьмы подземного перехода, не только придавала ему сил и уверенности в себе, но и действовала самостоятельно. Вот и сейчас во время встречи она забурлила внутри, всколыхнулась и каким-то неведомым воздействием напугала сыщика. Изумродов услышал бубны и барабаны во время разговора. Может, и детектив их тоже услышал, потому так быстро и ретировался? Незримое всех нас пугает. Но только не Изумродова. Прежде для него главным в жизни была исключительно личная безопасность. Он, выходя из дома, до маниакальности проверял: все ли выключил и обесточил. По нескольку раз дергал закрытую входную дверь на всякий случай. В общении с людьми старался больше отмалчиваться, держаться особняком. Мало ли что пустые беседы могут повлечь за собой? Но отныне все изменилось амплитудно. «Энергия помогает мне. Она требует во всем побеждать и ни с чем не мириться», – решил «энергоноситель» и наполнился чувством удовлетворения.

Через два дня, когда сыщик вышел на связь и сообщил, что готов предоставить все интересные материалы, Изумродов вызвал Анжелу. Она пришла на назначенную встречу в кафе в пурпурном платье. Волнующе-колышущиеся ткани, заманчиво очерчивали изгибы ее тела, что так притягивают мужские взгляды.

– Анжи, мне необходима твоя помощь, прежде всего финансовая, – изрек Изумродов. – Я все деньги потратил на обучение в Колумбийском университете.

– А на кого вы там учились?

– На Колумба, конечно же. Ха-ха! Шучу. Твой взнос в общее дело принесет тебе более солидный куш, чем предполагалось ранее. Всего лишь расплатись с сыщиком и доставь мне все, что он накопал на изучаемый нами объект.

– Хорошо. Я согласна, – вкрадчиво произнесла девушка. Она отчего-то была уверена, что сумеет в итоге раскрутить самого Изумрудова, обольстить его и тогда – получит все. А в успехе аферы сомнений у нее не возникало с первого момента встречи с этим энергичным незнакомцем. Поэтому, пораскинув мозгами, она решила рискнуть своими сбережениями. Изумрудов бесцеремонно разглядывал свою помощницу. Он был приятно удивлен, осознав, что когда собирается использовать женщину в своих целях, то и отношение к ней у него резко меняется – из восторженного в сугубо потребительское. С Анжелой ему было легко шутить и непринужденно разговаривать. Уже и неважно, что ты не располагаешь общепринятыми элементами соблазнения девиц: роскошной квартирой, нескромным автомобилем и приличным банковским счетом. Когда к девице не испытываешь никаких особых чувств, то и легче произвести на нее впечатление чем-то другим. Хотя все же материальная сторона есть во всем. (Речь не о взаимоотношениях с Анжелой, основой которых были, разумеется, только деньги).

А может быть, насладившись тесным общением с Сашенькой, Изумрудов уже не чувствовал такой зависимости от женского тела, как раньше, и ловил глазами изгибы девичьих станов больше по привычке, а не с раболепным поклонением и сладострастным желанием. «Безусловно, в женщине привлекает ее наружность, – размышлял „энергоноситель“. – Но одна женщина на постоянной основе – приедается, и вкус к ней пропадает. И какой бы у нее не был распрекрасный характер, он тоже наскучивает достаточно быстро. А значит, нет смысла цепляться за единственную юбку, если их может быть в жизни столько, что не сосчитать. Вот и Анжела – красотка! Нужно будем потом пополнить этой девицей свой список. Так что, какая тут может быть Сашенька, раз так все изменилось! Ей вряд ли есть место в моей оптимальной автономии. К тому же она помешалась на этих чертовых латах! Заладила: надень, да надень! Дура! Впрочем, хватит о ней вспоминать. Это уже ни к чему».

– Анжела, я буду тебя ожидать с волнением в сердце, – сказал на прощание Изумрудов. – Не подведи меня.

Она в ответ лукаво улыбнулась и, медленно поднявшись, двинулась к выходу, плавно покачивая бедрами, тем самым помогая пурпурной материи выгодно обволакивать ее стройное тело.

Кир Тонов сидел с желтым конвертом в руках в том же самом парке, где он встречался с Изумрудовым. Детективу было не по себе, он то и дело нервно посматривал на часы и желал скорее расставить все точки в этом деле и распрощаться со странным клиентом навсегда. Его пугал не сам человек, а то чувство, которое возникало, если тот находился рядом. Сыщику закладывало уши от непонятно откуда взявшегося шума, похожего на барабанную дробь. Его лихорадило от этих монотонных ударов и бросало в озноб. А этот тип нагло ухмылялся ему в лицо, как будто ничего не происходило. «Он гипнотизер!» – догадался Кир Тонов и заметно успокоился. Все же от предстоящей встречи сыщик с радостью бы отказался, но отчего-то не мог этого сделать.

– Здравствуйте, – прошелестел певучий грудной голос над ухом, – вы принесли результат?

Тонов встрепенулся, рядом стояла миловидная девушка и внимательно смотрела на него.

– О, ангел! – выдохнул он с облегчением.

– Ага, Анжела я, – помощница Изумрудова быстро, окинув взглядом, оценила «жертву» и расплылась в многообещающей улыбке...

Уже через несколько минут она общалась с сыщиком как со своим давнишним приятелем, громко хохоча и пододвигаясь к детективу все ближе и ближе.

– Ой, я тут сфоткалась недавно, – проговорила Анжела невинным тоном и предложила: – Хотите посмотреть? – И вытащила из сумочки свой смартфон.

Кир Тонов, как уже говорилось ранее, был равнодушен к дамам, но вид обнаженного женского тела все же воздействовал на него своеобразно. Он то смеялся над увиденным, то впадал от этого в ступор. От фотографий прелестницы Анжелы с ним случилось второе. Девушка, недолго раздумывая, выхватила из рук застывшего сыщика конверт с информацией и радостно припустила по аллее.

Изумрудов несколько минут потешался над видом сыщика, которого при расставании Анжела запечатлела в комической позе, щелкнув своим телефоном. Затем он отпустил девушку, прежде восхитившись ее способностями и экономной находчивостью, клятвенно пообещав, что все остается в силе – ее доля от прибыли увеличится, несмотря на то, что она нисколько не потратилась. Что делать дальше, он даст знать ей завтра. А сейчас ему нужно хорошенько подумать. И, раскрыв конверт, аферист углубился в изучение материалов.

Наш герой, листая полученное досье, то и дело потирал руки от удовольствия. В большей степени его заинтересовала теща «страдальца», а о ней в этих бумагах содержалось вполне достаточно: чиновница, занимает пост впечатляющих высот. Вместо «сожалею» она говорила «я безжалостна», любила аукционы и всякие дорогие безделушки. И план, родившийся в голове Изумрудова, был изумительно прост, оттого и надежен: он займется развлечением старой мымы, а Анжела обработает самого «страдальца» и доведет его до нужной кондиции. «Энергоноситель» выяснил, что подходящий аукцион пройдет совсем скоро. А там-то он и разыграет свои козыри. И тогда, наконец-то, возмездие свершится!

«Теперь я дирижер! А место „страдальца“ – в дальнем углу оркестровой ямы!» – мысленно продекламировал «конкистадор» с удовлетворением.

Тем временем Кир Тонов продолжал сидеть в парке точно, как гипсовая статуя, – мужчина, вперивший взгляд в бесконечность. Дело в том, что, отключаясь в подобных ситуациях, он вспоминал о своей давней неразделенной любви, от которой он и очерствел. Это была история великого предательства. Его возлюбленная променяла его чувства на горсть семечек. Правда, об этом он узнал много позже, но исправить уже ничего было нельзя. А дело было так... Влипнув в очередную не очень приятную историю, Кир решил начать жизнь заново, а это подразумевало его переезд в другой городишко, что находится подальше, и где его никто не знает. Короткий и бурный роман с девушкой настолько трепетно вплеся в его ежеминутное существование, что он не мог не взять ее с собой. Уезжать ему нужно было безотлагательно, о чем он и сообщил возлюбленной. Кир прямо предложил ей уехать на край света, назначил время отправления и купил билеты на поезд. Она же, томно повздыхав, ответила согласием, выразив это истошными радостными возгласами.

В общем-то, ее чемоданы были уже собраны, комнатные цветы вместе с горшками переданы соседке, а кошка отправлена к родственникам. Оставалась всего лишь одна мелочь – проститься с подружкой. Как оказалось, в этом и крылась беда. Все бы могла преодолеть его возлюбленная: беседу с подружкой, завораживающий сериал по телевизору. Но, как на зло, ей под руку попала пачка с семечками. Их душистый аромат впивался в ноздри, соблазнял до иступления, а руки так и тянулись и тянулись к ним...

Кир Тонов так и не дождался ее. Пока поезд медленно отдалялся от перрона, он с нескрываемой надеждой все всматривался и всматривался в фигуры людей спящих на станции, но тщетно...

У женщин так бывает: одна страсть перебивает другую. Малое ничтожное может сокрушить более объемное и цельное. В это Кир теперь напрочь уверовал. После столь глубоких любовных переживаний сыщик решил навсегда вычеркнуть из своей жизни абсолютно любые

чувственные проявления романтического характера к женщинам. Вот только откровенные фотографии девушек иногда выбивали его из колеи. Наотмашь. Как и сейчас.

Холеное огромное тело со сморщенной желтоватой кожей, укутанное дорогой материей и, видимо, для распознавания аристократического нутра помеченное каким-то ценным ожерельем, восседало в пятом ряду. Изумрудов постарался подобраться к старухе как можно ближе и чтобы обязательно попасть в поле ее бокового зрения. Он то и дело бурно реагировал на каждый лот, но быстро сдавался, косясь на «объект»: заметила ли его? Его старания не пропали даром, теща «страдальца» уже похихикивала над ним, и каждый раз громко шептала на весь зал: «Ну, ты! В поносном лапсердаке! Хоть это осилишь?» А Изумрудов виновато улыбаясь, пожимал плечами в ответ и натужно вздыхал. Когда все закончилось, «энергоноситель» буквально вырос из-под ног старушечки и забубнил о своем восхищении и признательности.

– Ха-ха! А зачем ты вообще сюда приперся? – впечатала она ему в ответ.

– Как-с! – заискивающе стал выкрикивать Изумрудов. – Я столько наслышан о вас, Аграфена Леонидовна! Вы такая ценительница искусства! Вот и сегодняшнее ваше приобретение – «Юноша с достоинством» – выше всех похвал! Выше всех похвал! Вы так исключительно чувствуете истинные шедевры! Я люблю изящные искусства и таких же женщин. И чтобы изящны они были и в словах, и в поведении. И непременно с сексуальным флером. Точно как вы!

– А-ха-ха! – басила теща «страдальца». – Да полно тебе!

– Вот-вот! Я, знаете ли, люблю зрелых и крупных дам, и притом чутких! – не унимался Изумрудов, видя, что зацепил чиновницу на крючок. – А тонкость и тактичность у современных женщин, знаете, такая – избо-лошадная... Теперь же, надобно, чтобы женщина не только могла остановить на скаку коня, но еще и умела его запрячь. Нежно! Но куда им! А вот вы – другое дело! Какая стать! Какая порода! Я всегда был уверен, что нынешние женщины – это жуткие существа, но увидев вас, в корне изменил свои взгляды. В вас мне так и хочется вглядываться и вглядываться.

– Я не позволяю себе такого, – расплылась дама в неге от липких слов афериста. – Баловник! Шалунишка!

– Мадам! – завопил «энергоноситель», чувствуя свою победу. – А не закатиться ли нам в ресторанцию? Отметить, так сказать, ваше удачное приобретение?

– Ох, проныра! – заулыбалась чиновница. – Так давай прямо сейчас, а то вдруг сбежишь.

– Как можно?! – возликовал Изумрудов. – После вас, мадам! – сгибаясь и кланяясь, вопил он, распахивая перед ней двери.

Весь вечер Изумрудов выворачивался наизнанку, был учтив и обольстителен. А теща «страдальца» безрассудно польстилась на такое нежданное внимание незнакомца. Пусть она была уже в годах, но в мыслях Аграфена Леонидовна оставалась такой же ветреной и падкой на комплименты, как и в молодости. С возрастом она, конечно же, стала осмотрительнее, но сейчас... А почему бы и нет?

«Энергоносителя» осенило. Выждав многозначительную паузу Изумрудов подвинулся поближе к даме и с жаром произнес:

– Я постараюсь выразиться лапидарно. Вы на меня произвели такое неизгладимое впечатление, Аграфена Леонидовна! И я хотел бы в память о нашей встрече сделать вам презент. Такая пустяковина, знаете ли. Но это будет очень подходящим дополнением к вашему «Юноше с достоинством». Так сказать, получится полный комплект. Они просто рождены, чтобы быть вместе и украшать вашу коллекцию! Я говорю о своей статуе «Девушка с прелестями». Я приобрел ее на другом аукционе и вот поэтому изрядно потратился. Но вам я ее отдам даром, потому что вы, Аграфена Леонидовна, такая женщина! Такая женщина!

– Ну, полноте вам! – чиновница даже себе на удивление перешла почему-то на «вы» со своим визави. – Я, естественно, не смогу принять такой дар. Ха-ха! Скажут еще, что это взятка! А-ха-ха! Я готова заплатить.

– Ну, если вы так желаете, пусть так и будет, – тихо выдохнул Изумрудов. – Я уступлю вам ее по сходной цене. – И нарисовал на салфетке закорючку с ноликами. Дама удивленно хмыкнула, увидев цифры, но тут же умело изменила недовольную гримасу на добродушную мину. Ей отчего-то не хотелось ударить в грязь лицом перед этим приятным во всех отношениях типом. Да и чиновник, жалеющий потратить деньги на всякий свой вздор, – это же абсурд! К тому же она предвкушала бурный романчик, мысленно придавая себе черты Клеопатры, а ему... – в общем, что получалось, правда, до Цезаря он явно не дотягивал. Они условились о совершении сделки в ближайшее время и, наконец-то, расстались.

Удача теперь не просто улыбалась Изумрудову, а так широко скалилась, что можно было подумать – она хочет его проглотить. Кто-то другой мог бы и испугаться такого поворота колеса фортуны, но только не наш герой. Ведь он был перенасыщен энергией, пришедшей в него вместе со страхом. Так чего бояться?! Он мог только радоваться и срывать плоды обрушившегося на него везения. Теперь нужно было лишь отыскать подходящую статую, чтобы всучить ее этой «мадаме», причем за кругленькую сумму.

И снова Изумрудов взобрался на коня! Он вспомнил, что видел подходящее изваяние женского пола в одном из скверов на окраине города. Ему удалось быстро сколотить одноразовую команду из людей, не особо притязательных в жизни, и раздобыть подходящее транспортное средство по объявлению с почасовой оплатой. Операция проходила днем, чтобы не вызывать особых подозрений. Даже стражи порядка, прошествовавшие мимо, вполне удовлетворились коротким и емким:

– Забираем на реставрацию.

Статую почистили и отмыли в укромной подворотне, и довольный собой Изумрудов доставил ее, даже перевязанную ленточкой, Аграфене Леонидовне. Расчет произошел тут же. Наличными. Наш герой откланялся и стремительно удалился.

«Вот! Вот мои первые серьезные деньги на пути к чемодану! А ведь все так просто! Прямо из воздуха!» Сердце радостно колотилось, переполняемый чувствами «энергоноситель», размахивая руками, бодро шагал по асфальтированной дорожке, ведущей его к заветной цели.

– Анжела, теперь твой выход, – начал свой инструктаж Изумрудов. – Задача: обольстить клиента и наказать! Только не делай вид, что ты смущаешься. Эти процессы во взаимоотношениях с противоположным полом тебе давно знакомы и вряд ли могут вызывать какие-то сверхновые эмоции. Для тебя это все уже привычно.

– Фу! Какая пошлость! – отреагировала девушка, правда, не очень возмущенно.

– Хорошо! – изменил тактику «энергоноситель». – Анжела, ты так талантлива! И мне нужно, чтобы ты всеми своими чарами и способностями воздействовала на клиента.

– О, да! Вдохновение на меня наваливается волнообразно и ритмично, как... ну, неважно... – задумалась девица и вдруг выпалила: – Как фрикции!

– Ха-ха! – рассмеялся Изумрудов. – Анжи, ты так эрудированна! Ты просто мой ангел-раскладитель! Но нам нужно взять себя в руки, собраться для решающего броска и завершить это дельце, как именно мы и желаем. Вот тебе деньги, купи себе наряд подходящий. Не вздумай брать леопардовое. Найди что-нибудь необыкновенное такое, чтобы сразить этого гада наповал. Только не переусердствуй! Не рви колготки! Ха-ха! Все должно пройти точно по сценарию. О чем с ним говорить, я тебе напишу дословно на бумаге.

Толстый зять Аграфены Леонидовны как обычно обедал в ресторане на набережной. Здешняя кухня ему уже приелась, но в силу привычки он не мог изменить место для своего чревоугодия. Флегматично ковыряясь в очередном блюде, поданным официантом, он поднял глаза от тарелки и поперхнулся от неожиданности. Через весь зал прямо к нему направлялась восхитительная барышня в летящем платье и перетянутыми завязочкой волосами. Точно античная богиня.

– Вы позволите? – вкрадчиво произнесла она, приблизившись.

– Да, да, конечно! – чуть ли не прокричал «страдалец». – Извольте! Будьте любезны!

– О! Вы даже не представляете себе, как я могу быть любезна, – прошелестела она губами и платьем, усаживаясь, на подвинутый, вскочившим впопыхах «страдальцем», стул. – Я могу сразу перейти к теме, побудившей меня встретиться с вами так близко? Можно сказать, в интимной обстановке.

– Однозначно! Как пожелаете! – все еще не придя в себя, повизгивал толстяк, покрываясь испариной и краснея. – Я уже возбуждился! То есть побуждился!

– Я слышала, вы интересуетесь различными прелестными штучками? – проговорила Анжела вдохновенно. – Есть такая вещица. Она очень мне важна. Я по всем аукционам за ней гонялась. Редкостная такая девушка из... изваяна. С прелестями, – и она выразительно провела руками по бюсту, еле удерживающемуся в умопомрачительном декольте. «Страдалец» беспрерывно хлопал своими рыбьими глазами, таращась на девицу-богиню.

– Так вот. Она попала в вашу семью. Ах, как?! Она у вашей тети... А! Тещи?! Какая жалость!

– А я все думал, зачем Аграфене эта Афродита? А она ценная вещица, выходит, такая вся... с прелестями, – сладострастно причмокивал «страдалец». – Она ей никак не налюбуется! Так что не продаст! А вам зачем ее прелести?

– Есть один секретик, – потупив глазки, произнесла Анжела. – Только не угощайте меня шампанским, а то я от него делаюсь такой болтушкой. Все тайны выдаю... Ох...

Через несколько минут девица уже жадно поглощала дорогое игристое вино, тут же заказанное толстяком.

– Какая жажда меня мучает! – хихикнула Анжела. – Но если я переборщу с алкоголем или от волнения вдруг потеряю сознание, то, надеюсь, вы не постесняетесь освободить мою грудь от одежды, чтобы облегчить мне приток атмосферного воздуха?

– С удовольствием! Превеликим! – давился слюной «страдалец», пожирая незнакомку глазами. – Приду к вам на помощь! Такую...

– Раз уж мне ее никак не выкупить, так и быть расскажу вам этот секретик. Но, тсс! Никому об этом! – таинственно сказала Анжела, приложив пальчик к губам. – Дело в том, что в этой статуе сокрыт очень дорогой клад! Это драгоценный камень, каких еще публика не видывала. Его берегли из века в век от человеческих глаз, о нем знали только избранные. И очередным его тайным пристанищем стала как раз вот эта «девушка с прелестями». Вы подумаете, что можно, конечно, статую раздробить, но вопрос: с камушком ничего не случится? Не утратит ли он своей ценности? Да и не все так просто, поскольку его спрятали внутри статуи с помощью магических обрядов. Можете мне не верить, но шкатулка должна всегда быть с секретом, иначе без таких хитростей ее вмиг бы распотрошили. А способ завладеть сокрытым сокровищем довольно прост. Нужно пристроиться к статуе сзади, обнять руками и произвести круговые движения по ее груди против часовой стрелки, при этом сильно надавливая на соски.

Все эти необходимые манипуляции Анжела стала тщательно демонстрировать на себе. У толстяка сперло дыхание, пот катился крупными каплями по разрозовевшимся жирным щекам. Он желал все: и эту девицу, и спрятанный клад. Сердце бешено колотилось, а в мозгу калейдоскопом возникали спонтанные картинки: он раздобудет утаенную драгоценность и с этой восхитительной блондинкой, сидящей рядом, отправится на далекий остров

в океане, где всегда тепло, вольготно и радостно. И поблизости уже никогда не будет осточертевшей кровопийцы-тещи!

– Да, и нужно еще обхватить ее бедра своими ногами, – еле доносился сладкий голос Анжелы из сгустившегося в сознании «страдальца» тумана. – И крепко сжимать. Страстно. И тогда откроется потайное место и оттуда вывалится большой бриллиант...

Анжела положила руку толстяка себе на ногу, а сверху свою и стала ритмично показывать, как нужно страстно сжимать. Зять Аграфены Леонидовны почувствовал, что теряет и сознание, и рассудок...

– Ну, давай, женщина, не терзай меня, докладывай, – набросился Изумрудов на появившуюся девушку. – Все прошло как по маслу?

Все-таки Анжела долго перед этим заучивала текст, составленный «энергоносителем», и не один раз им проверенный в ее исполнении, поэтому он надеялся на благоприятный исход. Хотя могла случиться какая-нибудь внештатная ситуация, в которой его помощница просто бы запуталась и все испортила.

– Поплыл тюфяк! Ключнул! – гордо отрапортовала она и тут же насторожилась: – А в статуе этой действительно есть бриллиант?

– Ну, ты даешь, моя красавица! – расхохотался Изумрудов. – Если бы таковой там имелся, мы бы с тобой давно уже на Мальдивах загорали.

Анжела хитро улыбнулась:

– Так ты потом, когда все закончится, повезешь меня туда?

– Золотце, все еще только начинается! – ухмыльнулся аферист. – Не будем загадывать наперед.

Ему льстило, что девушка привязалась к нему. По крайней мере так ему казалось. Впрочем, такие, как она, чувствуют наличие денег у мужчин, в том числе ожидаемых в ближайшем будущем, интуитивно. И такой нюх, основанный на сконцентрировано-меркантильном интересе к твоему кошельку, может подвинуть подобных дев на многое, заставляя пускаться во все тяжкие. Сначала даже за так. Вроде как на душевном порыве, но, по сути, – просто в рассрочку. Платить по счетам мужчине рано или поздно – все равно придется.

«У нее фантазия и представления о жизни размером с пуговицу. А мне зачем больше? Ей все равно не понять моих устремлений. Такая, возможно, и нужна!» – размышлял Изумрудов, разглядывая, как Анжела любит себя в настенное зеркало. Обвиняя мысленно представительниц прекрасного пола в падкости на богатство, Изумрудов понимал, что он и сам при выборе: либо женщину, либо деньги – остановится на последнем.

– А как же мы заработаем? – вкрадчиво спросила она.

– Об этом не беспокойся, – ответил «конкистадор». – Доведем операцию до конца, и я с тобой рассчитаюсь. Не обижу.

Обманывать Анжелу Изумрудову почему-то совсем не хотелось. Все же она старательно справлялась с его поручениями, да и темная энергия, бурлящая в нем, пока еще не всегда мешала ему проявлять великодушие.

Когда «страдалец» пришел в себя, он уже ни за что не хотел прощаться с увиденной им новой сказочной жизнью. Пусть все это звучало и выглядело довольно странно, даже глупо. Но ему так хотелось во все это верить. И он никак не мог перестать думать об этой соблазнительной девушке. Его рука еще долгое время продолжала судорожно сжиматься, пытаясь нащупать в пустоте упругое бедро прекрасной незнакомки.

«Решено! – подумал толстяк. – Все проверну втихаря. Сделаю все точно так, как эта красавица мне и рассказала. А что? Статуя останется целой, так что ни подозрений, ни претензий

у тещи не возникнет, а я озолочусь на всю оставшуюся жизнь! И будет остров, и будет эта блондинка...»

Изумрудов отправил Анжелу дежурить у дома «страдальца», чтобы проследить, когда тот отправится к теще за кладом.

– Я когда-то был капитаном дальнего плавания, – хохмил «энергоноситель», предвкушая свершение скорой мести. – Так что маякни мне, Анжи, просемафорь, когда увидишь, что объект появился на горизонте. И я начну торпедную атаку!

Поскольку Изумрудов был главным в их команде, место для ожидания себе он выбрал в одном из кафе вблизи дома зятя Аграфены Леонидовны, а Анжелу, вооружив биноклем, отправил на крышу соседнего здания для лучшего обзора прилегающей территории. Уже было достаточно тепло, весна прочно обосновалась в этой реальности, да и девушка покорно подчинялась командам «энергоносителя», чем он и пользовался с удовольствием. Так что сомнений, что она упустит объект наблюдения, практически не возникало. К тому же она была неплохо мотивирована будущим гонораром. И мошенник преспокойно наслаждался ароматным кофе, сидя в уютном помещении.

А девица, чертыхаясь и проклиная своего работодателя, пробиралась на верхотуру, успокаивая себя лишь тем, что свои заработанные деньги она у этого прощельги все равно «отожмет» каким-нибудь способом, даже если и придется его соблазнить. На ее радость «страдалец» не заставил себя долго ждать, но появился так внезапно, что девушка в растерянности заметалась из стороны в сторону, делая призывные знаки руками «конкистадору». Изумрудов, взглянув в очередной раз в окно на «пост наблюдения», поперхнулся от неожиданности: его помощница носилась по крыше, размахивая над головой своим розовым нижним бельем. Безусловно, это был сигнал! Но какой! Такого наш герой не мог себе даже представить. Он быстро набрал номер Аграфены Леонидовны и анонимно сообщил о готовящемся покушении на ее коллекцию скульптур, предупредив, что грабитель вот-вот к ней зайвится.

«Страдалцу» ничего не оставалось, как посетить свою тещу среди белого дня, поскольку в ночное время, пробраться в ее дом было попросту невозможно: различные охранные штучки Аграфена Леонидовна отключала только в светлое время суток. И лишь днем можно было прокрасться в ее огромный особняк и остаться при этом незамеченным. Лишний раз встречаться с тещей «страдалцу» совсем не хотелось, но если его и обнаружат, то ничего страшного в этом не будет. Все-таки зять, как ни как.

Аграфена Леонидовна была женщиной суровой и решительной. Она пожелала сама задержать наглого грабителя, достала из оружейного сейфа дробовик и затаилась на втором этаже своей домашней галереи. Окна были плотно зашторены, поэтому в помещении стоял полумрак. Толстяк на цыпочках подкрался к статуе, остановился, настороженно огляделся и, тяжело сопя, влез на постамент аккуратно с тыла, как и было предписано незнакомкой. Он забросил свою ногу на каменное бедро «девушки», а руками ухватился за ее «прелести» и стал их нещадно натирать. Вдруг гробовую тишину разорвало выстрелом, в зале вспыхнул ослепительный свет и откуда-то сверху раздался громогласный рык Аграфены Леонидовны:

– Зять?! Да ты ополоумел? Совсем спятил?! Моей дочке тебе мало, так ты решил каменную бабу оприходовать?!

«Страдалец», скуля и шмыгая носом, медленно сполз на холодный пол...

– Анжела, я восхищен твоей находчивостью, – смеялся Изумрудов. – Ты побила все мужские рейтинги в округе! Твое розовое белье, вращающееся над головой, они еще не скоро забудут. Говорят еще, что ты так яростно вопила, когда сигнализировала мне своим кружевным исподним. Ха-ха-ха! Кстати, а зачем тебе, собственно, мобильный телефон? Только для того, чтобы фотографироваться у зеркала?

– Ну, ты же сам говорил: капитан дальнего плавания, просемафорь, – оправдывалась девица. – Я в кино видела, там же флажочки разноцветные используют. Вот я и...

«Энергоноситель» просматривал свежую прессу. Обнаружив в колонке светской хроники сообщение о том, что некий гражданин Б. определен в психлечебницу и его жена уже подала на развод, Изумрудов довольно потер руки.

– Свершилось! Мы справились! – воскликнул он. – Публика в восторге! Пришло время раздавать гонорары.

Ангела от радости по-детски захлопала в ладоши. Аферист протянул ей розовый конверт с наличными.

– Специально цвет подобрал, в тон твоему финальному выходу на сцену! – посмеивался «работодатель». – Может, повторишь на бис? Аншлаг гарантирую! Ха-ха!

Девица с искрящимися глазами быстро изучила содержимое конверта и на всякий случай недовольным голосом спросила:

– Это все?

– Ты слишком сребролюбива.

– Как и все.

В общем-то, Ангелу сумма вполне устраивала, она думала, что получит намного меньше, поэтому стала искренне испытывать к Изумрудову не только уважение, но и определенного рода благодарность, которую ей непременно хотелось проявить в плотском выражении. «Энергоноситель» прочел это в ее глазах и предложил девушке незамедлительно отправиться в отель...

– Так что насчет островов или Парижа? – сладко потянувшись, поинтересовалась Ангела.

– На это нужно еще зарабатывать и зарабатывать, – резонно заметил Изумрудов. – Уже собралась куда-то? Ты бы мне, наверное, еще пригодилась.

– Я девушка ищущая, – отозвалась Ангела. – И просто «пригодилась бы» – меня не устраивает. Хотя... обращайся, если что...

Напролом

Первый шаг в качестве «энергоносителя» – отомстить – Изумрудов успешно сделал. Это его окрылило. Теперь предстояло заняться главной задачей – получить чемодан денег, чтобы уже спокойно следовать к своей конечной цели. Он достаточно быстро сориентировался в окружающем его господстве фантомов и недосказанности, масок и опустошенных глаз, показной и скрытой высокомерности, чванства и надменности. Ворвавшись в эту внезапно расширившуюся до безобразных пределов новую реальность, он все же ощутил жесткий лимит возможностей и средств своего сословия. Но он теперь стал энергоносителем, а это уже многое меняло. Нужно было просто действовать, не взирая ни на что!

Первоначальный капитал, полученный от Аграфены Леонидовны, он решил тратить только при крайней необходимости, вкладывая в мероприятия, которые могли принести существенный доход, поэтому старался обходиться малым. Изумрудов осознал, что путь, ведущий к богатству, вымощен не трудоемким напряжением, физическими и моральными усилиями, а напротив должен быть легок и даже приятен. К звездам нужно добираться без всяких там терний! А для этого необходимо всего лишь обладать таким качеством, как изворотливость. Вот то – главное, что необходимо человеку в современной жизни. И в этом «конкистадор» уже несколько поднатерел.

Для того чтобы заполнить свой чемодан желанными банкнотами, Изумрудову нужно было обзавестись каким-нибудь помещением. Естественно, деньги выколачивать он собирался только из доверчивых сограждан, но вопрос расквартирования без помощи органов власти ему решить было довольно сложно. И наш герой отправился в мэрию. Сюда он попал впервые. Увидев унылых людей стоящих в очереди, «энергоноситель» встал за их спинами. Он был несколько обескуражен, когда придвинулся ближе к началу очереди. Каждый посетитель совершал какой-то непонятный для Изумрудова ритуал: подходил к огромному блюду, висящему на главных дубовых дверях, и старательно его вылизывал. Сзади «энергоносителя» кто-то подтолкнул и прошипел в ухо:

– Что застыл? Ну что тут особенного? Давай скорее, не один же здесь!

«К черту гордыню! Можно и унизиться в определенной мере, если мне это принесет пользу», – прикинул наш герой и торопливо лизнул блюдо. За главными дверями перед ним открылся длинный коридор, где дверей было так много, что рябило в глазах. И у каждой из них висело похожее блюдо, но меньших размеров. Несколько тарелок размещалось на стене сразу же у входа.

– Это резервные накопители, пристраивайся к любому, а там разберешься, к кому тебе нужно обращаться, – раздался тот же голос за спиной. Изумрудов резко повернулся и уткнулся взглядом в бесцветного мужичка в добротном костюме. Тот понятливо улыбнулся:

– Не был здесь еще никогда? Ничего, привыкнешь. В любой системе можно решить всякий вопрос или отыскать для себя теплое местечко. Но прогнуться, лизнуть придется, чего уж. Это жизненный принцип: все основано на унижении. Без этого никак нельзя. Чтобы стать начальником – нужно пройти через обряд унижения, а потом терпеть его от вышестоящих начальников. И так по возрастающей. Даже самый главный все равно унижается, лебезит перед женой или любовницей. А может, перед своей совестью или какими-нибудь высшими силами. Но это обязательное условие. Иначе все рухнет. Весь миропорядок держится на этом. Так было задумано изначально. Тебя унизили, и ты становишься более тщеславным, гордость в тебе просыпается, и ты стремишься что-то делать, что-то кому-то доказывать, начинаешь думать о себе бог знает что. То есть это жесткая мотивация, которая заставляет тебя старательно выжимать из себя и из своей жизни все, что можно. Либо ты смиряешься с происходящим и привычно-терпеливо стоишь все время в общей очереди.

– У меня другой случай, – резко бросил Изумрудов и вошел в кабинет руководителя отдела контроля за жилым и нежилым фондом.

Чиновник Оплеухин страдал профессиональным заболеванием, свойственным людям его круга, занимающим определенные ключевые посты в различных инстанциях. Болезнь эта выражалась в постоянном ощущении дискомфорта и неполноценности окружающей обстановки: то руководящее кресло ему поставили низковатое и неудобное, то подчиненные вдруг начинают ни с того, ни сего огрызаться. А попробуй кого-нибудь выгнать – у всех родственные связи. А сегодня еще начальство устроило нагоняй, мол, люди жалуются, что с ними в его отделе как-то не так «общаются-обращаются». Во время таких горьких раздумий в кабинет чиновника и ввалился подозрительный тип в желтом пиджаке. Он странно расшаркался у дверей, уверенным шагом подошел к столу и сел напротив.

«Необычный посетитель, – ударила мысль в голову Оплеухина. – Может, проверка? Меня голыми руками не возьмешь!» И вслух добавил:

– Чего изволите, любезнейший?

– Я ветеран промзоны, прошу предоставить мне помещение для офиса культурного фонда, половину доходов обязуюсь вносить на любой расчетный счет мэрии, – пошел «в лобовую» Изумрудов.

– А вы знаете, мы как раз решительно заботимся о культурном воспитании народных масс! – торжественно выдохнул Оплеухин. – И я с удовольствием предоставлю для благого дела наше резервное помещенье.

– Так просто? – изумился «энергоноситель», вынул из внутреннего кармана пухлый конверт, положил его на стол и подвинул в сторону чиновника.

– Абсолютно просто! – ответил начальник отдела и подвинул конверт обратно к Изумрудову. – И перечислений никаких не нужно. Разве только на благотворительность.

– Так вы назовете номер счета для благотворительности? – поинтересовался аферист. – А может, позвольте первый взнос внести наличными? – и снова подвинул конверт к чиновнику.

– Что вы, что вы! – откликнулся тот, в очередной раз отодвигая конверт. – Мы же слуги народа! И готовы сделать все ради широких народных масс. А вопросы культурного развития – это наш приоритет!

Удивленный «конкистадор» благодарно раскланялся и отправился в соседний кабинет получать документы на пользование помещением.

Через время Оплеухина прихватила нужда. В уборной он, натолкнувшись на своего непосредственного руководителя, посмотрел на него с таким победным видом, что тот округлил глаза от недоумения и снова заперся в кабинке.

«Это все делает приобретенная мной темная энергия! Только из-за нее мне так везет!» – решил Изумрудов. За два дня «энергоноситель» обжил свой дармовой офис и повесил на входе красочную табличку «Фонд содействия развитию культуры среди широких народных масс и прочих слоев населения «Чехов, маргиналы и К°». А к двери приколол объявление, написанное на обычном тетрадном листке, в нем говорилось: «Начинается набор в литературный кружок. Лекции на тему «Не бухай! Лучше Чехова читай!» проводятся на платной основе. Спешите! Количество мест ограничено. Для постоянных членов кружка ежемесячно – стриптиз-шоу и пенная вечеринка со студентками».

Когда в офис набилось столько народу, что продохнуть в прямом смысле было весьма трудно от устоявшегося перегара, поскольку контингент соответствовал теме лекции своей первой частью, Изумрудов приступил к сбору «дани».

– На развитие нашего общего дела, – приговаривал он, обходя нестройные ряды сидящих людей в основном с опухшими физиономиями. – Вам выпала честь прикоснуться к святой свя-

тых – культурному коду нашей цивилизации. Вместе мы справимся со всеми болезнями общества, установим справедливость и, наконец-то, вознесем Чехова на заслуженный пьедестал.

Зачем возносить и так очень известного писателя еще на какой-то пьедестал, никто не понимал. Да и сам Изумрудов не особо представлял, что он хочет предложить этим «широким народным массам». Но «энергоноситель», окунувшись в новую для себя жизнь, четко усвоил то, что достаточно человека запутать тупыми вопросами, сбить с толку, завести его впросак, и можно с ним делать практически все. Но «конкистадор» не замахивался на величие, ему было достаточно всего лишь денег.

– Иногда приходит такое жуткое осознание реальности... что и пить больше не хочется, – ораторствовал Изумрудов перед участниками литкружка. – И тогда нужно сказать себе: меня здесь ничего не держит! Я не привинчен задом к стулу! Надо встать и идти... Идти в новую жизнь! Жизнь алкоголика коротка не потому, что спиртное так безмерно вредно, а потому что человек пьющий жизнь-то свою большей частью не помнит. И я предлагаю вам новую методику – пей и помни! читай и думай, что ты пьешь и зачем! Читай взахлеб! Только Чехов способен нам открыть глаза на истинную суть брэнного мира! Мне думается, что человек, уйдя в запой, таким образом изменяет свою судьбу. Вот, к примеру, если он поспешил бы в этот день на работу, то по дороге вполне мог попасть под машину и погибнуть. Ан нет! Он напился и остался спокойно сидеть дома. И наверняка даже решил почитать одно из произведений великого классика. То есть на самом деле алкоголь и Чехов продлили его никчемное существование. Спасли ему жизнь! И наполнили его существование смыслом! А значит, вывод очевиден – без Чехова нам просто не выжить!

Это было первое публичное выступление Изумрудова перед столь обширной аудиторией, а потому речь получилась довольно скомканной и не очень убедительной. Впрочем, маргиналы не обращали внимания на слова лектора. Им не было никакого дела до своей судьбы и тем более уж до Чехова. Их умы занимала обещанная пенная вечеринка, предполагаемый сценарий которой они бурно обсуждали между собой.

А после лекции Изумрудов реализовывал среди слушателей, как сопутствующий товар, томики писателя с автографом руководителя фонда, то бишь своим собственным, поясняя, что именно это станет пропуском на ежемесячные мероприятия увеселительного характера. Конечно же, Изумрудов не собирался ограничивать свою деятельность только литературным кружком, он задумал сразу несколько параллельных афер по отъему средств у населения, причем опираясь на добровольные побуждения. А чтобы побуждать население к этому, на дверях офиса появлялось все больше и больше объявлений о различных семинарах и лекциях о том же достижении личного успеха, оболыщении представителей противоположного пола, трансформации сознания и многом другом, что всегда вызывает интерес у подавляющего большинства обывателей. Все свои аферы «энергоноситель» рассчитывал проверить в течение месяца, чтобы не привлечь к себе внимание структур, стоящих на страже закона, а также криминальных кругов.

Выступая на презентации «Курсов личного роста» перед молодежью, Изумрудов все также швырялся лозунгами налево и направо, играл на самолюбии молодых людей и просто злорадно издевался над ними.

– Ты! – тыча пальцем в зал, надрывался «энергоноситель». – Представитель поколения продавцов мобильных телефонов! Так зачем тебе тратить деньги на пресловутое образование в университетах? Ты не станешь юристом или экономистом, даже получив красный диплом! Так лучше приходи сразу на наши курсы! Это обойдется намного дешевле! Я научу тебя, как нужно жить, чтобы избежать участи торговца гаджетами! Я сделаю тебя бенефициарием! Ты больше не будешь работать на какого-то дядю, обеспечивая ему своим трудом безбедную жизнь, а сам станешь выгодоприобретателем и получателем денег! Окружающая действительность – это женщина, которая живет по принципу: «Хочу дам, хочу – не дам. Что мне в голову

взбредет, так и будет». А вы должны научиться жить по-мужски, то есть брать все, что нравится, не дожидаясь снисходительного позволения! Я вас научу, как разработать победительный принцип существования! По данным мирового МЧС во время ледохода лишь 20%, провалившихся в полынью, выбираются на льдину, остальные – беспомощно барахтаются в холодной воде, пока им не придет конец. Так вот, вы должны всегда быть в числе этих 20%. Остальных – выталкивайте за борт без сомнений!

Естественно, просто так богатым стать невозможно, пространственные квоты уже кем-то заняты. И я научу тебя, как надо выдавливать успешных, чтобы занять их место. А начать нужно с приобретения у меня пакета спецдокументации «Не будь глупцом». Благодаря этим секретным разработкам любой из вас сможет открыть свое индивидуальное производство мыловарения или свечной мини-заводик. И тогда вы не просто встанете на ноги, но и начнете управлять миром! Кроме того, я предлагаю вам освоить технологию **ВЫПУЩЕННЫХ** глаз или выпущенных, как вам будет угодно! С ее помощью вы сможете расширить сознание, свое внутреннее видение! Чтобы замечать: **ГДЕ** и **ЧТО** хорошо лежит! Заметьте, не плохо лежит, а **ХО-РО-ШО!** Зачем нам с вами плохое? Пусть оно продолжает лежать там и дальше. Нам нужно брать от жизни только хорошее!

Постепенно чемодан Изумрудова наполнялся хрустящими купюрами. «Энергоноситель» был неутомим: бросался от одной затеи к другой, лишь бы финансовый поток увеличивался и ускорялся. Но это происходило не так быстро, как хотелось нашему герою. Встретившись с Анжелой, «конкистадор» ей снова предложил сотрудничать.

– Мелко я все-таки плаваю! Мелко! – жаловался он девушке. – Мне нужно совершить что-то грандиозное! Ты мне необходима, мне не хватает твоих рук... и ног. Ну и прочего. Ха-ха!

– Теперь ты от меня просто так не отделаешься, – заявила девица. – Когда все закончится, что ты там напридумывал, сразу – под венец и в Париж!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.